

18+

ЧИТАЕТСЯ НА ОДНОМ ДЫХАНИИ!

РОЖДЕСТВО У ШЕРЛОКА ХОЛМСА

27 увлекательных предновогодних историй от участников
детективного воркшопа Антона Чиж

НАСТАВНИКИ
ПРАКТИКИ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ НА RIDERÓ

АНТОН ЧИЖ
BOOK PRODUCING
AGENCY

Rideró

Коллектив авторов
Анна Росси
Янина Олеговна Береснева
Рождество у Шерлока Холмса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63614773
ISBN 978-5-0051-9630-9*

Аннотация

Встречайте новый 2021 год вместе с новыми авторами детективных историй. Мастер жанра Антон Чиж представляет в этом сборнике работы своих учеников. 27 рассказов, которые были закончены к декабрю 2020 года и написаны специально для чтения долгими зимними вечерами, подарят вам все те эмоции, за которые мы так любим детективы. Электронная версия сборника доступна на Ridero бесплатно: это наш с авторами вам новогодний подарок. А мы будем рады, если после прочтения вы поделитесь с нами своим отзывом.

Внимание! Книга содержит нецензурную лексику.

Содержание

Предисловие Антона Чиж	7
Трубка первая	10
Ирина Соляная.	10
Рената Роз.	28
Артём Боев.	50
Янина Береснёва.	71
Сергей Балашов.	98
Анна Тищенко.	118
Анна Росси.	142
День первый	142
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Рождество у Шерлока Холмса Сборник рассказов участников воркшопа Антон Чиж

Авторы: Соляная Ирина, Роз Рената, Боев Артём, Береснёва Янина, Балашов Сергей, Тищенко Анна, Росси Анна, Горлич Улита, Фили Елена, Асланова Юлия, Твист Тоня, Анатолий Мари, Соколовская Светлана, Русинова Алиса, Клюев Игорь, Гроле Алекс, Смирнов Максим, Тучин Василий, Афонин Сергей, Масловская Янина, Половнева Алёна, Бег Кира, Лаврова Саша, Кучер Людмила, Семёнов Александр, Нобелиана Анна, Гордеева Лариса

Корректор Татьяна Стефаненко (рассказ Елены Фили)

Корректор Маргарита Боева (рассказ Артёма Боева)

Редактор и корректор Ольга Нуждова (рассказ Сергея Афолина)

Корректор Лидия Ткачёва (рассказ Саши Лавровой)

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency

- © Ирина Соляная, 2020
- © Рената Роз, 2020
- © Артём Боев, 2020
- © Янина Береснёва, 2020
- © Сергей Балашов, 2020
- © Анна Тищенко, 2020
- © Анна Росси, 2020
- © Улита Горлич, 2020
- © Елена Фили, 2020
- © Юлия Асланова, 2020
- © Тоня Твист, 2020
- © Мари Анатоль, 2020
- © Светлана Соколовская, 2020
- © Алиса Русинова, 2020
- © Игорь Ключев, 2020
- © Алекс Гроле, 2020
- © Максим Смирнов, 2020
- © Василий Тучин, 2020
- © Сергей Афонин, 2020
- © Янина Масловская, 2020
- © Алёна Половнева, 2020
- © Кира Бег, 2020
- © Саша Лаврова, 2020
- © Людмила Кучер, 2020
- © Александр Семёнов, 2020
- © Анна Нобелиана, 2020

© Лариса Гордеева, 2020

© Антон Чиж Book Producing Agency, 2020

ISBN 978-5-0051-9630-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие Антона Чижга

В канун Нового года и Рождества хочется вспомнить одну почти волшебную историю...

...В 1887 году в Британии вышел очередной детектив, который назывался «Этюд в багровых тонах». Автор его был не слишком известен, хотя успел опубликовать несколько опусов, но большой славы не снискал. Любил литературу, но вынужден был зарабатывать на жизнь не слишком обширной медицинской практикой. Из-за того, что книжный рынок был перенасыщен детективами, издатель согласился публиковать повесть только при условии, что автор отдаст на нее все права. Автор, который больше года не мог пристроить повесть ни в одно издательство, согласился. Книга вышла и была замечена читателями. Прообразом главного героя – частного сыщика – автор выбрал своего учителя медицины доктора Джозефа Белла, который отличался острым умом и умел подмечать в людях детали, на основании которых делал поразительные умозаключения. Как фокусы для ума. Главного героя автор поначалу хотел назвать Шеррингфордом, но потом остановился на более простой ирландской фамилии Холмс.

Спустя три года, в 1890-м году в журнале *Strend*, который читали лондонские клерки, стали появляться рассказы про расследования частного сыщика Шерлока Холмса. Так

родился один из главных мифических персонажей литературы, ставший в один ряд с Эдипом, Гамлетом, Суперменом и Гарри Поттером. Так родился Шерлок Холмс. Вся детективная литература, так или иначе, вышла из его трубки. Пришло время и нам отдать дань уважения Великому Сыщику.

Что можно сделать для человека, который никогда не существовал, но все стараются попасть на Бейкер-стрит 221В, где он жил? Сделать сборник новых детективных рассказов, конечно! И мы его сделали!

В сборнике «Рождество у Шерлока Холмса» вы найдете 27 рассказов. Авторы собрались неслучайно. Они прошли мой воркшоп на Rideró по детективному рассказу и теперь предьявляют на суд читателей, на ваш суд, результат своих талантов. Мы с коллегами из Rideró очень надеемся, что эти рассказы доставят вам удовольствие долгими новогодними вечерами! Для удобства разделил их на три трубки, которые, как известно, Холмс выкуривал, когда распутывал очередное дело. А я позволю напомнить, что курить вредно даже сыщикам. Читателям – тем более.

Встречайте новый 2021 год вместе с новыми авторами детективного жанра. Мне кажется, это может стать Хорошей Традицией, ничем не хуже, чем делать оливье или ходить в баню! Хочу верить, что среди рассказов этого сборника вы найдете авторов, за успехами которых захотите следить в дальнейшем. А наши авторы будут создавать новые и новые детективные истории! Приятного чтения! С наступаю-

щим Новым годом и Рождеством!

Искренне вашъ Антон ЧИЖ

Трубка первая

Ирина Соляная. Змея в гареме

Кади¹ Джабраил не любил в жизни две вещи: евнухов и мертвых красавиц. И в этот прекрасный полдень его вынуждали думать о них! Кади отодвинул от себя блюдо с кусками сочного барашка, обильно посыпанного кинзой, и недовольно уставился на евуху и начальника дворцовой стражи.

Вошедшие были также не похожи друг на друга: тщедушный и шустрый Анис и мускулистый спокойный Назим. Кади приступил к допросу евуху, ведь именно он и обнаружил мертвое тело красавицы Саны.

– Говори, жалкий! Говори всё, что тебе известно и ничего не утаивай.

Евнух трясся и мычал что-то несвязное. Тычок в спину от начальника дворцовой стражи помог ему собраться с мыслями.

– Рано утром я нашел в рубиновых покоях тело Саны, а ря-

¹ Судья, который занимался не только вынесением приговоров, но и вел расследование дел по законам шариата.

дом с ней огромную гюрзу. Хвала Аллаху, султан Абу-Али уже покинул её ложе! Я дождался прихода Назима, он отрубил голову змее, а труп Саны отнес в подвал. Султан ничего не знает, – евнух мелко затрясся от предчувствия гнева господина.

– Откуда в гареме змея? Разве не ты, нечестивец, отвечаешь за порядок в покоях? – грозно свел брови кади.

– Многоуважаемый кади, – вмешался Назим почтительно склонивший голову, – вчера на площади было представление, заклинатель змей, некий Садык из Самарканда, веселил публику. Это могла быть его змея. Садыка ищут теперь.

– Иди, Назим, и проверь, нашли ли бродягу. Доложишь. А я продолжу с этим проходимцем, – кади кивнул на Аниса.

Когда закрылись двери просторной залы, в которой кади Джабраил уже тридцать лет разбирал все судебные споры и преступления Риштана, Анис, часто моргая, зашептал:

– Многоуважаемый кади, я тут совершенно ни при чем. Сана болтала с этим Садыком, это все видели. А покои я проверяю тщательно, с вечера. Когда султан уехал рано утром на охоту, я снова пошел посмотреть, все ли в порядке и...

Кади очень не понравились слова Аниса, ведь они означали, что змею кто-то подбросил.

– Расскажи, что знаешь о наложнице, – потребовал он.

Анис ободрился. Оказывается, Сану привез из Самарканда сам султан. Он выиграл ее в кости. Уж очень понравилась ему смуглая до черноты девушка, словно отполирован-

ная деревянная статуэтка. Сана была капризной, перессорила всех наложниц в гареме, но с султаном была нежна и покорна, за что госпожа Фируза, старшая жена, имела на нее зуб. И прожила Сана чуть больше месяца в гареме, когда случилась такая беда. Анис испугался, войдя в покои Саны. Бедняжка лежала у самой двери, уже мёртвая. Змея ужалила её в ногу, тело отекло. Укус гюрзы – это не мотылёк на нос сел. Анис удивился, конечно, что Сана не позвала на помощь. Но потом вспомнил, что дверь в ее покои пришлось открывать ключом – она была почему-то заперта. Снаружи!

Кади немедленно потребовал от Аниса, чтобы тот его сопровождал во дворец.

Анис всплеснул толстыми руками, запричитал: ведь это тяжкий грех для мусульманина, впустить в женскую половину чужака – за это головы можно лишиться! Но кади Джабраил был неумолим. Слуга Аллаха, стоящий на страже порядка и охраняющий покой султана, просто обязан осмотреть мертвое тело и комнату Саны, а до женщин, этих глупых сорок, ему и дела нет. А если Анис будет противиться установлению истины, то в зиндане всегда есть свободное место, и позволение султана для кади не потребуется.

Солнце стремилось к зениту, короткие тени от домов лежали прямо, скривившиеся смоквы приветствовали паланкин кади по пути к дворцу султана, покачивая ветками, полными листьев и плодов. Анис бежал впереди паланкина, показывая дорогу, хотя в том не было особой нужды. Выгляды-

вая из-за шторки, кади Джабраил машинально отмечал пустующий до завтра базар, привычный полукруг нищих у мечети, старух с кувшинами и дразнящих собаку мальчишек – город продолжал жить своей жизнью... Никто и не знал о беде во дворце султана – оплоте безопасности.

Женская половина дворца произвела на кади тягостное впечатление, и он в который раз укрепился в мысли, что безбрачие – редкое благо. Непрерывный щебет женских голосов и крики младенцев могли свести с ума любого. Для чего Аллах, который так ценит порядок, создал женщин из кривого ребра? Выпрямить нельзя – только сломать, а жить рядом с такими несовершенными созданиями – сущее наказание.

Анис вел кади Джабраила длинными узкими коридорами, в которых запросто можно было заблудиться. Свет проникал сквозь стрельчатые окна и деревянные решетки. Духота и запах благовоний преследовали кади, и он едва не упал в обморок, пока достиг покоев Саны. Подушки и покрывала здесь были разбросаны как попало, напольную вазу в углу кто-то разбил.

– Посмотри-ка, что в комнате не так! – потребовал кади.

Анис обошел покои.

– Здесь нет шелкового платка Саны. Синего, расшитого бисером и с монистами по краям.

– Подарок султана?

Анис пожал плечами, продолжая поиски.

– Песок пустыни просыпь через сито, а платок найди! –

приказал кади, и повелел позвать служанку, чтобы та отвела его в подвал к мертвому телу. Горбатая старуха Хуснийя поклонилась кади. Шаркая кривыми ногами в войлочных туфлях, позвякивая поясными ключами, Хуснийя, на удивление кади, шустро устремилась в подвал.

– Скажи, почтеннейшая, – обратился к старухе Джабраил, свято чтивший суннат, обязывающий оказывать почет пожилым людям без исключений, – правда ли, что госпожа Фируза ссорилась с наложницей Саной?

– Нет, многоуважаемый кади, – ответила служанка, – у госпожи Фирузы нрав кроткий, как у голубки. Только очень уж она страдала, когда Сана появилась в гареме. Часто под дверью ее спальни стояла и плакала.

– Обижалась на господина?

– Жене не положено на мужа держать обиду, это грех, – как отрезала старуха.

– А у Саны нрав был каков?

– Наш Абу-Али учил ее порядку, значит, было за что наказывать, – ответила служанка, подобрав тонкие губы.

– А ты, почтенная, не ссорилась ли с Саной? – спросил снова кади.

– Нет. Мое дело – присматривать за детьми. А детей в гареме много. Я и своего сына Назима, воспитывала в строгости. Потому он и стал начальником дворцовой стражи.

– И не жалко тебе ее?

– Мне господина нашего, Абу-Али жалко, душа у него

нежная, как мякоть молодого ореха под скорлупой.

В подвале было холодно и темно. Одну клеть освободили от кадок с маринованным луком и редькой. Под сводчатым потолком торчали погасшие факелы. Служанка зажгла два, и комната без окон озарилась слабым светом. Тело девушки лежало под полотном. Подняв край, кади заметил характерные для укуса следы загнутых внутрь змеиных зубов и сеточку полопавшихся кровеносных сосудов на ноге. Тело распухло.

Кади вышел наружу и глубоко вздохнул. Знойный воздух показался ему свежим. Степенной поступью, опираясь на клюку, в сопровождении согбенной служанки он обошел дворец. Каштаны и высокие акации окружали толстые каменные стены. Кади любовался ими, но и отмечал, что по каждой из толстых веток могла заползти ловкая гюрза.

К вечеру в дом кади Джабраила пришел унылый Анис с докладом. Платка он не нашел, хотя заглянул во все укромные уголки дворца и двора. Завтра утром с охоты ожидали прибытия султана со свитой, и кому-то следовало держать перед господином ответ. Кади отпустил дрожащего как хвост ишака евнуха.

Задумчиво пощипав бороду, Джабраил изрек в пустоту: «А где же Назим и его бродяга из Самарканда?»

Глубокой ночью, когда Риштан видел десятый сон, кади разбудила служанка, доложившая о прибытии начальника дворцовой стражи. Назим выглядел торжествующим. К но-

гам кади он положил синий платок.

– Это я нашел под рубахой заклинателя змей.

– А где сам бродяга? – спросил кади, не заинтересовавшись находкой.

– В зиндане. Плачет, как шакал, в убийстве признаваться не хочет.

– Может, это и не убийство было? – кади натянул чалму на лысую голову и, поправив кушак на халате, двинулся за Назимом к выходу из дома.

– Не убийство? – усомнился Назим.

– Для чего Садыку убивать?

– Он из Самарканда, как и Сана. Мог знать ее. Они весело болтали после представления.

– Убил Сану, а платок взял на память, – кивнул кади, садясь в паланкин при свете полной луны и подавляя зевок.

– Грязная свинья этот Садык! – выругался Назим, – как же я подпустил убийцу так близко к султану!

В зиндане никто не спал, все ждали прибытия кади. Садык не мог встать и выказать судье должное почтение. Ноги и руки нечестивца были перебиты. Он лежал на полу, как мешок с прелой соломой.

– Наш палач как всегда перестарался, – глубокомысленно изрек Джабраил, – мне опять будет некого судить, до утра этот несчастный не доживет.

Кади пнул заклинателя змей, но тот только замычал в ответ. Арестанту дали попить и усадили, прислонив к стене.

Мутные глаза Садыка ничего не выражали. Назим, скрестив руки на груди, с презрением смотрел на убийцу. Кади принесли удобное кресло, и тот сел, опершись на суковатую палку, которая была его верной помощницей.

– Садык, – начал он, – от тебя зависит, умрешь ли ты быстрой смертью, или будешь подыхать мучительно.

Садык закашлялся, вытирая рот грязным рукавом.

– Знаешь ли ты, в чем твоя вина, нечестивец? – спросил кади.

– Моя вина в том, что я заклинатель змей, а Сану укусила змея, – медленно, с остановками произнес он.

– Ты подбросил змею в гарем к Сане? – спросил кади.

Садык качнул головой.

– Нет, для чего мне это?

– Может, ты ее вождеделел и стал ревновать? – ухмыльнулся Назим.

– У меня был шанс стать соперником султана? – Садык выплюнул сгусток крови себе под ноги.

Кади бросил взгляд на начальника дворцовой стражи и махнул рукой, Назим вышел, оставив кади с арестованным и палачом. Кади Джабраил продолжил допрос.

– Ты и Сана, оба родом из Самарканда. Так ли это?

– Самарканд – огромен. Всех я там не знаю. А последние три года я кочую из города в город.

– При тебе нашли её шелковый платок. Откуда он взялся?

– Я не знаю, о чем ты говоришь, почтенный судья. Оставь

меня, я хочу спокойно помолиться перед смертью.

– Ответь мне на последний вопрос: почему у твоей змеи не были вырваны ядовитые зубы? – спросил кади, теряя терпение.

– Это была не моя змея, почтенный судья. Себе я не враг. Страшнее гюрзы только кобра, а зубы я у всех вырываю. Но о том публике знать не обязательно.

– О чем ты говорил с наложницей султана после представления?

– Я говорил не с ней, а с наследником. Он спрашивал, какая змея самая опасная. Это разве запрет? Сана просто стояла рядом.

«Каков упрямец!», – подумал кади, покидая зиндан.

Ночь прошла беспокойно. Кади Джабраил не любил, когда обвиняемые отрицали вину, зная о неперемнной казни. Кади боялся предстать с ответом за невинно загубленного правоверного перед Аллахом на Киямат². Но еще больше он боялся, что не сможет разгадать головоломку, которую ему подкинула змея в гареме.

По утру за кади прислали паланкин султана Абу-Али.

Султан был огорчен, но отметил расторопность Назима и преданность Аниса. В благодарность за службу он подарил кади свой перстень.

– О, правитель, – сказал смущенный кади, вертя на пальце новый подарок султана, – но я вовсе не считаю законченным

² Киямат – Судный день у мусульман.

мое расследование. Арестант не признался в преступлении. И я до сих пор не нашел ответа на несколько вопросов.

Султан поднял на кади глаза, полные горя.

– Не знаю, о чем ты говоришь, мой преданный друг, но закончи свои поиски и дай мне предаться положенной скорби.

– Как заклинатель змей проник в гарем да еще и пронес громадную ядовитую змею? Где прятался до совершения убийства? Это первый вопрос. Если же змея выползла из корзины заклинателя и случайно ужалила прекрасную Сану, то как она выждала время, не напав ни на кого в гареме? Это второй вопрос. И третий вопрос: для чего нечестивцу Садыку синий, расшитый бисером платок Саны, который вы подарили ей? – словно не слыша султана, продолжил кади.

– Какой синий платок? – удивился султан, шмыгнув носом как простолюдин, и вытирая слезы, – я не дарил платка Сане.

– Вопросов много, а ответов нет, да благословит Аллах вашу памятьливость.

– Ты хочешь продолжить расследование? Но что тебе нужно от меня, о кади.

– Я хочу поговорить с госпожой Фирузой и другими...

Султан прервал просьбу кади гневным окриком.

– Этому не бывать!

Кади умолк, поклонился и направился к двери, но султан окликнул его, словно извиняясь за вспышку гнева: «Почтенный кади, я прошу вас найти время для старого друга и прийти на ужин сегодня». Кади церемонно принял приглашение.

По дороге из дворца Джабраил встретил евнуха Аниса. Облагодетельствованный султаном, евнух шел с довольным видом. Кади властным жестом остановил его и задал невинный вопрос:

– Султан хорошо принял меня, и пригласил на ужин. Какие сласти любит госпожа Фируза?

– Наследник гуляет у фонтана, досточтимый кади. Спросите его.

Кади кивнул и поторопился к фонтану.

– Салям алейкум, досточтимый молодой господин, – начал он торопливо, но как всегда многословно, – что за человек этот ваш начальник дворцовой стражи Назим? Я бы хотел отблагодарить Назима за расторопность в поимке преступника.

– Ваалейкум ас салам, досточтимый кади, – ответил ломким голосом мальчик, – чем он мог вам понравиться? Назим суров и груб.

– Суров? – переспросил кади.

– Да, и даже жесток. После представления заклинателя змей, я и Сана подошли к бродяге и стали спрашивать о гадюках и гюрзе. Назим оттащил Сану, а потом... Он ударил ее по лицу, когда никто не видел. Правда, потом опомнился и на коленях просил у нее прощения. Добрая Сана... Она пообещала, что не расскажет никому.

– Ты это видел сам?

– Видел. Мы играли в прятки, и я залез за полку с посудой.

В кухне. Я там вовсе не ожидал встретить Сану и Назима. Никто не видел меня, но я видел их обоих. И то, как Назим подарил ей платок.

– Может, ты нарочно следил за ними, юноша? – строго спросил кади, надеясь выудить еще что-то.

– Меня уже наказала за это Хуснийя, – покраснел мальчик, – Сказала, что я предаю отца, заглядываясь на его наложницу.

– Раскаяние растворяет грех, как вода – каменную соль, досточтимый юный господин, – кади погладил мальчика по голове и прикинул, а не вернуться ли к султану с докладом.

Но подумав, что его сочтут навязчивым, Джабраил решил повременить до вечера.

В приподнятом настроении, держа в руках пакет со свежей пахлавой, кади качался в паланкине. Совсем недавно он узнал о заморском обычае делать подношения хозяйке дома и надеялся прослыть просвещенным в глазах султана и его окружения. Этот вечер был важен для кади, ведь он ожидал своего триумфа, мысленно смакуя подготовленную речь. Тридцать лет кади служил Риштану, и никто не мог усомниться в его проницательности, мудрости и неподкупности. Жаль, конечно, что заклинатель змей скончался и вину перед смертью не признал. Но... Кади волновала только истина. А истину он видел в справедливой и заслуженной каре для виновного.

За ужином, состоявшим из бесконечной череды блюд, султан улыбался, поглаживая усы, его отпускала печаль после смерти любимой наложницы. Кади непринужденно читал стихи и соревновался в остроумии с визирем и министрами: «В чем счастье твое, мой друг? Чтоб Царь меня в свой принял круг. И что ж найти ты хочешь там? Нет счета этим чудесам. Но отчего дворец пустой? Таится в нем разбойник злой. Скажи, кто страшный этот тать? Кто солнца свет посмел украсть!» Кади декламировал в лицах. Его голос то рокотал, то лился мёдом. Притихшие гости наблюдали и ждали продолжения.

– О, великий султан, да продлятся ваши счастливые дни до скончания правления, и пусть совпадет оно с закатом солнца и всей вселенной! Мне было сложно выполнить ваш наказ об окончании следствия по делу заклинателя змей, потому что он противоречил наказу Аллаха искать истину вопреки земным препятствиям на ее пути. Поразмыслив о бренности сущего, я пришел к выводу о том, что султан нуждается в истине не меньше, а даже больше любого из смертных, потому что стоит на страже порядка и справедливости. И если его очи затмила пелена горя, эта пелена не настолько темна, чтобы заслонить свет правды. Я знаю, кто убил Сану. Это была не змея, которая случайно заползла в покои, это был не вислоухий заклинатель змей. Я обвиняю начальника дворцовой стражи Назима. У меня есть твердые доказательства того, что Назим предал султана.

Кади Дажбарил обвел глазами присутствующих за дастарханом. Тишина была такая, что было слышно, как в саду кричат павлины. Султан молчал, нахмутив брови.

– Назим был влюблен в Сану. Возможно и она давала повод для ухаживаний. Назим делал Сане подарки. Один из них пригодился! Назим подбросил платок несчастному заклинателю змей, чтобы отвести подозрение от себя. Но как заклинатель змей мог совершить коварное убийство?

В зале зашумели придворные.

– В хитросплетении комнат и коридоров разобраться под силу только тому, кто хорошо их знает.

Одобрительный гул голосов придавал кади бодрости.

– Ни змее, ни постороннему человеку сразу не понять, где искать жертву. Была бы гюрза так умна, то сидела бы в кресле кади!

Министры дружно закивали бритыми головами.

– Итак, мы видим не слепой случай, а убийство. Кто же этот человек, который знает дворец как свою длань?

Кади обвел глазами залу.

– Думаю, он не вызывает подозрений. Если его случайно увидят в женской половине дворца, то он подобно тени будет незамечен!

Визирь громко вздохнул.

– Дверь в покои Саны была заперта снаружи. Кто мог это сделать. Только тот, кто имеет доступ ко всем ключам!

Лицо султана потемнело.

– Убийца должен иметь причину, значительную для убийства. Страсть! Власть! Корысть! Вот шайтаны, толкающие на преступление! Я обвиняю начальника дворцовой стражи! Назим молод, и хорош собой. Сана была похожа на прекрасный знойный цветок. Вспыхнувшая безответная страсть помутила разум Назима. Подарки не помогли. В итоге, Назим совершает убийство, искусно свалив всё на случайно подвернувшегося заклинателя змей.

Султан свел брови в нарастающем гневе. Тишина взорвалась десятками голосов. Кроме восклицаний: «Ай да, кади! Вот мудрейший человек!» можно было различить: «Измена во дворце! Схватить этого Назима».

Султан поднял руку, и все смолкли.

– Кади ослушался моего приказа. Это меня огорчает. Отчего бы не спросить Назима? – изрек султан и велел позвать начальника дворцовой стражи.

Назим низко поклонился султану и всем присутствующим. Его лицо было спокойным, а поступь твердой.

– Где ты был со вчерашнего вчера и до утра, Назим? – спросил султан.

– Да благословит Аллах вашу памятьливость, господин. Разве вы не сами послали меня за город с личным поручением к господину Хасиду, военачальнику? Я вернулся в Риштан к девяти часам утра, и первый, кого я встретил, был Анис. Около девяти утра. Стражники у северных ворот пропускали меня.

Султан махнул рукой, и Назим удалился.

– Преданность кади правосудию и истине известна далеко за пределами Риштана. Упорство и терпение в распутывании самых сложных дел не может не восхищать. Но в данном деле я вижу коварную ошибку. Назим не мог прийти рано утром во дворец и совершить это гнусное убийство, украсть платок и запереть дверь опочивальни, – султан обвел всех присутствующих глазами и добавил, – похоже, кади искал разгадку несуществующей загадки

При этом Абу-Али постучал себя указательным пальцем по голове и вызвал взрыв хохота присутствовавших.

Кади почувствовал себя посрамленным, его лицо побагровело, нос налился как слива. Такого позора он не испытывал никогда. В глазах Джабраила померк свет. Вскочив с удобных подушек, он покачнулся от волнения. Его окатывали волны хохота жующей знати, которая только что была готова носить его на руках. Спотыкаясь на ходу, забыв о поклоне, кади покинул дворец.

До утра кади не спал, запретив входить в покои даже вертлявой служанке, которая волновалась за то, чтобы кади Джабраила не хватил удар. Она никогда не видела кади в таком возбуждении. Кади носился по комнате, как тигр по клетке, рыча и восклицая: «Старый я дурак! Позор, позор на мои седины!». Лишь к утру он улегся на шелковые подушки и прикрыл морщинистые веки ладонью. Служанка осторожно прокралась в комнату, поставила поднос с фрук-

тами и свежей водой на низкий столик. Она звякнула поясными ключами, и кади открыл глаза. Этот звук вернул его к жизни, в голове вихрем пронеслась разгадка. Кади вскочил и резко ударил ладонью себя по лбу.

– Старый я дурак! – вновь воскликнул он, – и как же я пропустил самое очевидное!

Не попадая руками в халат, а ногами в туфли, он заметался по комнате. Служанка хлопала глазами, не понимая, чем она может помочь господину.

Поборов волнение, кади сел в любимое кресло и написал что-то на клочке бумаги.

– Беги во дворец к султану, вызови евнуха Аниса и дай ему записку. Скажи, чтобы действовал быстро. Потом жди меня у ворот.

Засверкали босые пятки служанки. Через полчаса, одетый по всем правилам правоверного мусульманина, бормоча на ходу молитву и каясь, что пропустил утренний намаз, кади спешил в паланкине ко дворцу. У ворот, ежась от расцветного холода, торчали служанка с евнухом.

Завидев кади Джабраила, Анис всплеснул руками, упал на колени и запричитал.

– Досточтимый кади, страшусь твоего гнева, но не вели наказывать. Выполнить приказание не мог! Пропала старая Хуснийя! И Назим как сквозь землю провалился.

Кади торжествующе смотрел на евнуха. Он самодовольно упер руки в боки и выпятил живот.

– Я так и знал! Так и знал. Пока ореха не расколешь – ядра не съешь. Хуснийя! Кто кроме нее? Хотела спасти сына любой ценой! Понимала, старая чертовка, что выдаст себя неразумный влюбленный. Убить Сану – проще простого! И в гареме будет тихо, никаких конфликтов. Султан рано или поздно найдет себе утешение. Хоть страсть – прекрасный мотив для преступления, но материнская любовь сильнее любой страсти. Убийство – тяжкий грех, укрывательство – не менее тяжкий. Но доносить на безвинного! Это харам зулми³!

Кади говорил громко, словно его слушателями была толпа зевак на площади во время казни, а не глупая служанка и презренный евнух.

– Вам надо рассказать все великому господину, досточтимый кади! – залепетал евнух, радуясь тому, что кади не гневается на него, – дело не терпит отлагательств!

– О нет! – изрек кади, подняв вверх указующий перст, – я напишу ему письмо, а во дворец я приду теперь только по почетному приглашению. И никак иначе!

³ Шариат запрещает

Рената Роз.

Женщина в белом купальнике

Впервые я увидела эту пару в таверне. И сразу распознала в них моих соотечественников. Он – мужчина лет сорока, крепкого телосложения, с сединой в коротко стриженных волосах и гладким загорелым лицом. Она – лет на двадцать моложе, крашенная блондинка, простоватое круглое личико с милыми ямочками на щеках.

Мужчина уверенным жестом подозвал официанта и сделал заказ, даже не поинтересовался, чего хочет спутница. Вольготно откинулся на спинку плетеного кресла и принялся благодушно озирать окрестности. Его спутница сидела, чуть ссутулившись и сложив руки на коленях, точно прилежная школьница, и задумчиво смотрела вдаль.

С тенистой террасы открывался дивный вид на каменистый пляж, далекую гряду холмов и безмятежно синее море. Пара расположилась через пару столиков от моего. Я не могла слышать, о чем они говорят, но могла исподтишка наблюдать сквозь листья раскидистой пальмы.

Мужчина налил себе в рюмку домашнее узо из маленькой пузатой бутылки. Женщина тоже потянулась за бутылкой, но он удержал ее руку. Она неловко засмеялась и подвинула к себе вазочку с фруктами.

Покончив с десертом, они одновременно поднялись и на-

правились к выходу: он впереди, она за ним, опустив плечи и глядя себе под ноги. Что-то такое было в ее позе, в наклоне головы, от чего у меня кольнуло сердце.

Внезапно похолодало. Словно облако набежало на жаркое солнце или налетел свежий порыв ветра.

Должно быть, это и в самом деле был ветер.

Вечером того же дня, проходя по коридору гостиницы, я услышала русскую речь. Звуки раздавались из-за неплотно прикрытой двери. Не примите меня за любительницу подслушивать! Дело в том, что моя комната располагалась как раз по соседству, и пока я обшаривала свои карманы в поисках ключа, мне невольно пришлось стать свидетельницей (точнее, слушательницей) чужой ссоры. Мужчина говорил громко, чеканя слова:

– Я точно помню, куда кладу свои вещи, в отличие от тебя! Он лежал здесь, на кровати, я положил его сюда, когда распаковал чемодан. Куда ты его дела?

– Я ничего не трогала, честное слово! Зачем мне твой нож? – робко и жалобно отозвался женский голос.

– Откуда я знаю, зачем? Почему ты вечно все кладешь не на место? Зачем берешь мои вещи?!

– Я не беру! Я никогда...

Женский голос прервался и перешел в всхлип. Мой ключ сыскался, и я юркнула в номер и прикрыла дверь. Голоса разом смолкли. Больше в тот день я не видела и не слышала моих новых соседей.

Утром следующего дня я лежала в шезлонге в тени корявой низкорослой сосны. Небольшая бухта, где располагалась наша гостиница, была очень живописна: с двух сторон ее окружали скалистые утесы, а сама гостиница лепилась к подножию крутого холма.

Она спустилась на пляж, прошла мимо меня и замерла, глядя на море, словно замороженная открывшимся ей зрением. Бирюзовое у берега, оно меняло цвет на насыщенно синий там, где дно резко уходило вниз. Волны разбивались о камни, взрывались клочьями белой пены.

– Доброе утро!

Она обернулась. На милом круглом личике отразилось радостное удивление.

– Я ваша соседка, – пояснила я. – Видела вас в таверне, сразу узнала своих.

Мы разговорились, быстро перешли на «ты». Ее звали Наташа, она впервые была на Крите и вообще за границей. Конечно, здесь замечательно, просто нереально, такую красоту она видела только на открытках. Волны? Здесь всегда волны. Потому гостиница так и называется: «Wave On The Rock». Сегодня море почти спокойно. Но когда большие волны, купаться не стоит. Прошлым летом здесь утонула женщина.

Наташа ахнула. Новость ее поразила, но не сильно. Да, утонула незнакомая женщина, это ужасно, трагично, но... Что поделаешь, везде кто-нибудь да тонет, умирает, гибнет... Кто-то чужой, далекий.

– Ты слышала про отбойные волны? Это такое сильное течение, которое...

Но я не успела договорить. Наташин муж приближался к нам быстрыми шагами и начал говорить уже на ходу:

– Вот ты где! Я же просил не уходить без меня, неужели трудно подождать?

– Да я никуда и не ушла! Вот, Андрей, это наша соседка, она тоже русская, представляешь?

Андрей изобразил вежливую улыбку и окинул меня цепким взглядом. Он был привлекателен, спору нет. Излучал спокойную властную уверенность, которая так нравится женщинам. Кого он увидел перед собой? Клушу неопределенного возраста в огромных солнцезащитных очках и шляпе с широкими полями. Бесформенное пляжное платье полностью скрывало мою фигуру, полнило и старило на энное количество лет.

– Андрей, представляешь, прошлым летом тут утонула жен..., – начала Наташа.

– Ты не видела мой ежедневник? – резко оборвал ее муж.

– Нет, – ответила Наташа спокойно. Но я заметила, как напряглись ее плечи.

– Подумай, может вспомнишь? Помнишь, ты однажды засунула его в шкаф? Ладно, не важно. Ты готова? Нам пора.

Он кивнул мне, подхватил жену под локоть и мягко, но твердо повел к каменным ступеням, ведущим с пляжа. Наташа бросила мне через плечо извиняющийся взгляд.

Раздался звук мотора, и неповоротливый черный внедорожник выкатился со стоянки. Не слишком подходящая машина для здешних дорог, нужно заметить. Хороша, чтобы пускать пыль в глаза, но слишком тяжелая и громоздкая для крутых поворотов, которыми изобилует дорога к морю.

Я не слышала, как они вернулись. Ночью меня разбудили голоса. Балконную дверь я всегда оставляла открытой: шум волн меня убаюкивал. Звуки доносились через балкон. Балконы на втором этаже располагались в ряд, впритык друг к другу.

Смутно, сквозь дремоту, я различала сердитый мужской голос и женский плач. Я положила на голову подушку и уснула.

Они вышли к завтраку поздно, когда я уже собралась уходить. Наташа казалась рассеянной и не выспавшейся. Ее муж выглядел невозмутимым, довольно щурился и походил на сытого кота. Я покончила с завтраком и направилась к выходу. Увидев меня, Наташа быстро отвела взгляд. Андрей меня не заметил: он как раз делал заказ.

Через минуту она нагнала меня снаружи и заговорила торпливо:

– Ты не одолжишь мне на минутку телефон? Мой сломался... Мне только отправить сообщение маме, она волнуется, когда от меня долго ничего не приходит...

– А почему бы не попросить у мужа? Или у него тоже сломался?

Наташа потупилась, на бледных щеках проступили розовые пятна. Я вытащила свой мобильник, разблокировала и протянула ей.

– Вот. Отправляй свое сообщение. Можешь даже позвонить.

– Спасибо! Я быстро...

Она управилась минут за пять.

– Он отобрал у тебя мобильник? – спросила я. – Это, конечно, не мое дело, но тебе не кажется, что это чересчур?

– Я сама виновата. Звонила маме и заболталась, забыла про роуминг. Наговорила на кучу денег...

– Со мной он тоже запретил тебе разговаривать?

По ее смущенному виду я поняла, что попала в точку.

– Мне знаком этот тип мужчин. Беги от него, и как можно дальше. Пока не поздно.

– Но ты его совсем не знаешь, – вспыхнула она. – Он совсем не такой. Ты не представляешь, какой он замечательный. Просто... Что-то странное происходит с тех пор, как мы поселились в этой гостинице...

– И что же?

– Да... всякие мелочи. Вещи пропадают, а потом находятся в других местах. Его это раздражает, знаете, он бывший военный, привык чтобы все всегда было на своем месте. А я такая рассеянная... Беру что-нибудь, а потом не помню, куда положила... Вот вчера, например, этот дурацкий нож – я не помню, чтобы брала его, но я ведь могла случайно

взять его и положить в другое место? И забыть об этом? Или ежедневник... И балконная дверь. Он говорит, что запер ее. А когда мы вчера вернулись, она была нараспашку, и на полу мокрые следы... И еще этот запах... Приятный такой фиалковый аромат, туалетная вода или духи, ничего особенного. А он прямо взбеленился. Я говорю, может горничная заходила, но он...

– А вот и твой муж. Тебя высматривает.

Массивная фигура с серебристым затылком замаячила в нескольких метрах от нас, скрытая за деревьями.

Наташа поблагодарила меня испуганной улыбкой и чуть не бегом бросилась к мужу.

Я смотрела ей вслед и думала, что добром это не кончится. Начинается с мелочей, а закончится может чем угодно. В лучшем случае искалеченной психикой и годами, потраченными на восстановление. В худшем... Об этом даже думать не хотелось.

Вскоре черный внедорожник вырулил на дорогу. Видимо, мои соседи предпочитали отдыхать на других пляжах, более цивилизованных. Таких, где вам приносят коктейль, а вместо гальки – мягкий песок.

Вечером я, как обычно, отправилась на прогулку и вернулась уже затемно. И застала непривычную суматоху в холле. Андрей выговаривал что-то владельцу гостиницы – плотно курчавому мужчине по имени Тодорис. Рядом стояли два официанта, один пожилой и усатый, другой – совсем моло-

дой, почти мальчик.

С видом помещика, отчитывающего челядь, Андрей громко и резко цедил фразы на плохом английском. Тодорис беспомощно вздымал руки и в свою очередь пытался что-то возражать на беглом, но ломаном английском.

Заметив меня краем глаза, Андрей обернулся и спросил с брезгливой миной:

– А как у вас убираются в номере? Такой же бардак?

– Какой бардак? Не понимаю, о чем вы.

– Черт знает, что творится! Я напишу жалобу на сайте.

С этими говорить бесполезно.

Махнув рукой в сторону «этих», он двинул к выходу. И если бы я спешно не отступила, он, пожалуй, сшиб бы меня с ног и даже не заметил.

– Что случилось? – поинтересовалась я у владельца гостиницы.

– Господин Майоров не доволен обслуживанием в номере. Не понимаю. Горничная работает у нас много лет, и никто никогда не жаловался. Я, конечно, позвонил ей, она уверяет, что все было как обычно, она прибралась, сменила постельное белье и полотенца. Когда уходила, в номере был полный порядок. Никаких луж на полу и водорослей не было...

Водоросли? Допускаю, что пол мог быть мокрым, хотя до вечера он должен был высохнуть. Но водоросли – это уже чересчур. Горничная приходила каждый день, убиралась деликатно и быстро, и комната после ее ухода блестела чисто-

той.

– Да, водоросли, и мокрые полотенца. А еще он жаловался на запах! Не спрашивайте меня, не знаю. Туалетной воды или, может быть, чистящего средства. Разные жалобы мне приходилось выслушивать, но чтобы кто-то жаловался на запах – такого еще не было...

Тодорис закатил глаза. Официанты переговаривались между собой по-гречески и посмеивались. И я догадывалась примерно, о чем шла речь: не иначе, как о причудах русских туристов.

Дверь в соседний номер стояла нараспашку. Я увидела Наташу: присев на корточки, она собирала раскиданные по полу флакончики и тюбики. Заслышав мои шаги, она подняла заплаканное лицо. Я лишь кивнула ей и прошла к своей двери.

Проходя мимо, я и в самом деле уловила шлейф нежного аромата – сладкого, томного аромата фиалок.

Ночью разразился шторм. Обычно шум волн мне не мешает, но в этот раз море ревело оглушительно. Казалось, оно бушует под самым балконом. На меня напал беспричинный страх: мне чудилось, что море подбирается к стенам и весь наш отель вот-вот погрузится в морскую пучину. Где сейчас суша – будет море, как это не раз случалось с хижинами и дворцами, да и целыми городами. И будет наш отель стоять на дне морском, подобно минойским дворцам, и служить развлечением для ныряльщиков.

Я не выдержала, вылезла из постели и вышла на балкон. В полнейшей тьме не видно было ни неба, ни моря – сплошное черное ничто, наполненное грохотом волн.

Остаток ночи мне снились кошмары: в них балконная дверь распахивалась, брызги от гигантских волн доносились до постели, и кто-то без конца метался по комнате и плакал, и стонал. Несколько раз я просыпалась и вставала, чтобы убедиться, что балконная дверь закрыта.

Проснувшись я поздним утром. От непогоды не осталось и следа, за окном синел ослепительный день, лишь море шумело громче обычного. Я позавтракала в одиночестве и спустилась на пляж как раз вовремя, чтобы застать начало спасательной акции.

Двое аквалангистов, раскладывавших на гальке свое оборудование, вдруг вскочили и бросились в воду. Других отдыхающих на пляже не было, и не удивительно: волны высотой с мой рост с грохотом разбивались о прибрежные камни и вскипали пеной, и со злобным шипением заливали берег. Головы пловцов изредка показывались над водой и тут же снова скрывались в волнах. А слева, по склону крутого каменного утеса, карабкался человек с оранжевым спасательным кругом. Добравшись до конца утеса, человек что-то прокричал и бросил спасательный круг в море – туда, где волны с яростью набрасывались на камень и вздымали фонтаны брызг.

Волны подхватили круг и завертели, и я на какое-то время

потеряла его из вида.

Спустя несколько напряженных минут ожидания круг снова показался. Теперь он медленно двигался в сторону берега. Лишь когда он приблизился метров на десять, я разглядела внутри круга длинноволосую голову и еще две темные головы по бокам. Медленно, очень медленно, пловцы подгребли почти к самому берегу. Изо всех сил борясь с волнами, они встали на ноги и вытащили из круга тонкую женскую фигурку. Поддерживая ее с двух сторон, помогли добраться до сухой части пляжа и бережно опустили на гальку.

Через минуту Наташа, бледная до синевы и трясущаяся, куталась в полотенце, которое я набросила ей на плечи.

– Ну как же так... Что это тебе в голову взбрело, купаться в шторм? – мягко корила я ее.

Наташа сидела, обняв себя руками за плечи, и смотрела сквозь меня затуманенным взглядом. Казалось, она меня даже не слышит.

Ребята – спортивные и мускулистые молодые парни – стояли рядом и молча переводили дух. Потихоньку подтягивались любопытствующие. Укоризненно покачивал головой усатый официант.

– Тебе нужно прилечь, отдохнуть. Можешь встать? Где твой муж? Я позову его.

При слове «муж» Наташа вздрогнула и замотала головой.

– Нет, не надо! Он рассердится. Это я виновата, только я сама! Не знаю, о чем я думала...

У нее дрожала нижняя губа. Я поправила сползающее полотенце и сказала нарочито легкомысленно:

– Да уж, очень хотелось бы знать, о чем ты думала!

Ее взгляд снова сделался отстраненным.

Внезапно тень выросла над нами, сильная рука отодвинула меня в сторону.

– Что это ты вытворяешь? – сердито спросил Майоров жену. – Ни на минуту нельзя оставить одну!

– Ваша жена чуть не утонула, – сказал официант по-английски, – Еще бы немного, и... Вам повезло, что эти ребята ее вытащили. Прошлым летом был похожий случай, – он сокрушенно покачал головой. – Тоже русская туристка. Ей не повезло. Она утонула.

– Что он сказал? – встрепенулась Наташа. – Русская?

– Пойдем отсюда, – буркнул Майоров. – Идти можешь?

Он приобнял жену и помог ей подняться. Я подхватила ее за локоть с другой стороны, но он мягко отстранил меня, поблагодарив скупым кивком головы. Они направились к гостинице, провожаемые любопытными и сочувствующими взглядами.

В таверне давешний официант приветствовал меня с улыбкой как старую знакомую. За то время, что я здесь провела, я выучила по именам всех официантов. Этого – немолодого и усатого – звали Петро. Сделав заказ, я поинтересовалась, работал ли он тут прошлым летом. Он быстро закинул голову с прикрытыми глазами, что на местном языке те-

лодвижений означает «нет».

– Значит, вы не знали ту русскую? Которая утонула?

Нет, ответил он, ему рассказали об этом печальном случае коллеги. Красивая была женщина, и молодая, с длинными черными волосами. Всегда носила закрытый белый купальник.

– А знаете, что самое интересное? – Он понизил голос до шепота и склонил ко мне морщинистое лицо. – Говорят, ее до сих пор видят вон на том утесе, где часовня. Две англичанки – да вы их знаете, они тут давно живут – затемно возвращались в гостиницу и видели женщину в белом купальнике. Она стояла на краю утеса, а потом будто растворилась в темноте. Они сами мне об этом рассказали.

Он подмигнул и ушел, оставив меня в недоумении. Что означало это подмигивание? Насмешку над фантазиями глупых туристок?

Разумеется, в историю с призраком я не поверила.

Я уже лежала в постели, когда услышала шаги в коридоре. Шаги остановились у моей двери, раздался тихий стук.

В коридоре стояла полураздетая и растрепанная Наташа.

– Я видела ее! – прошептала она. – Призрака. Утопленницу...

В этот миг она сама очень походила на привидение: щеки запали, глаза сделались огромными и светились лихорадочным блеском.

– Я услышала шум в коридоре. Как будто кто-то скребся

в дверь. Я подумала, может кошка... А потом дверь вдруг открылась сама собой! Честное слово, мы всегда запираем на ночь дверь на замок, а тут она вдруг открылась – тихо, медленно... А за ней пусто! Я ужасно испугалась, ты не представляешь как. Я выглянула в коридор и увидела ее!

– Кого?

– Женщину в белом купальнике. С черными волосами. Она была уже в конце коридора, перед лестницей. И она оставляла мокрые следы! Я пошла за ней, но на лестнице ее уже не было, я выбежала наружу и увидела ее вдалеке, за деревьями, на пляже. Я за ней – а она исчезла. На пляже никого! Ты веришь в призраков?

Она схватила меня за запястье и сильно сжала.

– Я верю, что ты кого-то видела, – сказала я. – Но что, если это просто была одна из местных постоялиц? Ходила поплавать ночью, что тут такого?

– Да. Наверно, так и есть. Я снова все выдумала. Вот и Андрей говорит, что...

Она замолчала, задумавшись о чем-то, и как-то разом сникла.

– Кстати мы завтра уезжаем, – добавила она уже совсем другим, деловым тоном.

– Так быстро? Но почему? Разве вам здесь не понравилось?

Она пожала плечами.

– Здесь чудесно. Самое красивое место на земле. Но Ан-

дрей не хочет здесь больше оставаться.

Но они не уехали. По крайней мере, утром, как намеревались. Около десяти утра из номера Майоровых раздавались крики и грохот. Две пожилые англичанки вышли на балкон и вытягивали шеи, пытались заглянуть в номер Майоровых. Под балконами столпилась кучка приезжих и с любопытством прислушивалась к громкому скандалу – наверняка жалели, что не понимают ни слова.

Неподалеку стоял Теодорис и недовольно хмурился, поглядывая вверх.

– Этот русский снова чем-то недоволен, – пожаловался он мне.

– Я беспокоюсь за его жену. Вам не кажется, что нужно вмешаться? Вдруг он ее убьет?

Теодорис испуганно вытаращил глаза. Почесал кудрявую голову и сказал с сомнением:

– Я не могу. Не могу вмешаться, это их личное дело.

Пришлось действовать в одиночку. Дверь резко распахнулась, чуть не ударив меня по голове. На пороге стоял Майоров. Куда только подевалось его обычное спокойствие? Красный и вспотевший, сейчас он походил на разъяренного быка.

– Что надо? – рявкнул он.

– Просто хотела узнать, не могу ли чем-то помочь.

– Не суйтесь в нашу жизнь. Это вас не касается!

Он попытался захлопнуть дверь у меня перед носом, но я успела вставить ногу в щель и крикнула:

– Наташа, с тобой все в порядке?

Дверь снова распахнулась.

– Вот, полюбуйтесь! – сказал Майоров и обвел комнату широким жестом. – Если вы так беспокоитесь о самочувствии моей жены... Посмотрите, что она наделала!

В номере царил разгром. Одежда была вывалена из шкафов, залита водой и порезана на куски. На груди тряпья лежал выпотрошенный бумажник; документы, денежные купюры и пластиковые карты разлетелись по комнате. Во всем этом бессмысленном разрушении ощущалась чья-то нешуточная ярость.

Наташа сидела на мокром полу, подогнув под себя ноги и ошарашенно озираала картину разгрома.

– И ножик нашелся, – задумчиво продолжал Майоров, демонстрируя мне швейцарский складной нож с выпущенным лезвием. – Кто-то порезал им мои вещи. Дорогие, между прочим! Но полагаю, мне нужно радоваться, что пострадала только одежда. А не я сам. Ведь кто-то мог прирезать меня, пока я спал!

– Я этого не делала, – тихо сказала Наташа. – Я ходила к морю, попрощаться...

Это прозвучало так по-детски наивно, что тронуло бы любое сердце. Но только не мое – оно для этого слишком цинично. И не мужа, у него сердца вообще не было.

– Попроща-аться, – повторил он, издевательски растягивая гласные. И продолжил, обращаясь ко мне. – Я пошел зав-

тракать. Она осталась здесь, потому что, видите ли, плохо себя чувствовала. Прихожу – и вот! Застаю такую картину: моя славная жена, божий одуванчик, с ножом в руке. Причем ее одежда не пострадала, только моя, вот что любопытно! Спросите ее, куда она дела ключи от машины. Может, хоть вам скажет. Я уже все обыскал!

Наташа его не слушала. Она разглядывала небольшую фотографию, которую выудила из кучи тряпья.

– Кто это? – спросила она дрожащим голосом.

Майоров вырвал фото из рук жены и взглянул на него. Лицо его из красного сделалось внезапно очень бледным, капельки пота потекли по лбу, он вытер их рукой.

– Где ты это взяла?

Его голос внезапно охрип, и он повторил уже громче:

– Где ты это взяла?! Кто тебе дал снимок?!

Наташа глядела на мужа расширенными от страха глазами. Он сунул фото в карман рубашки и проговорил тихо и зло:

– Ты свихнулась. Ты больная, тебе лечиться надо. Я тебе это устрою – лечение в лучшей психушке. Все, давай, собирайся, мы уезжаем. Только отдай мне чертовы ключи от машины! Куда ты их дела, говори!!

Последнюю фразу он проорал так, что у меня заложило уши. Наташа вжала голову в плечи и закрыла лицо руками. Мне показалось, что он ее сейчас ударит. Поэтому я подошла и положила ей руку на плечо.

– Пойдем. Тебе нужно успокоиться. И твоему мужу тоже.

Я взяла Наташу за руку и помогла ей подняться. Но Майоров преградил нам путь и процедил, медленно, по буквам выговаривая слова:

– Ты. Смеешь. Указывать мне. Что мне де...

Внезапно он запнулся, замер на полуслове и, прищурившись, принялся пристально вглядываться мое лицо. Не знаю, что он там увидел. В зеркальной поверхности моих очков он мог разглядеть лишь свое собственное отражение.

Он бы не дал нам уйти, но в дверях появилась массивная фигура Тодориса. Он что-то спросил по-английски, я не вслушивалась. Я схватила покрепче Наташину руку и потянула ее к выходу.

...

– Это была та самая женщина, – сказала Наташа. – На фото. Черноволосая, в белом купальнике. И место я узнала! Это же вон тот утес с часовней! Откуда у Андрея это фото?

Мы расположились на камнях в тени сосен. Море, спокойное и ослепительно синее, умиротворяюще шумело, шептало, что в мире нет зла, а есть только преломление солнца в воде, игра теней и света и смерть – как часть этой игры.

– Это сейчас не важно, – ответила я. – Тебе нельзя с ним ехать, это опасно. Твоя жизнь в опасности. Понимаешь ты это?

Нет, она не понимала. Я видела это по недоуменному, беспомощному выражению ее лица.

– Послушай. У меня была сестра.

И я ей рассказала про сестру. Мы были похожи, как близнецы, хотя она была чуть младше. Она пошла в школу на год позже, учителя в школе называли ее моим именем, а мало-знакомые люди путали нас. Но сходство было только внешним. Характеры же у нас оказались совершенно разными. У нее – мягкий и уступчивый. У меня – упрямый и непреклонный. Она была веселой и легкомысленной – до того, как вышла замуж. Я тогда жила за границей и не успела познакомиться с ее будущим мужем. На свадьбу тоже не попала. Мы перезванивались какое-то время. По ее словам, она вышла замуж за замечательного мужчину, чувствовала себя как за каменной стеной. Пока эта стена однажды не сомкнулась вокруг нее каменным колодцем. Она перестала отвечать на звонки и письма, удалилась из всех соцсетей. Перестала общаться с родными и близкими. Ее телефон оказался заблокирован. О том, что она умерла, я узнала лишь пару недель спустя. Перед смертью она отправила мне открытку. Там было одно лишь слово: «Прости».

– А что с ней случилось?

– Не знаю. Меня рядом не было. Но я догадываюсь. Вот ты, например, зачем пошла купаться в шторм?

– Не знаю. Я будто отключилась. Ни о чем не думала. Мне просто вдруг захотелось сбежать от всего...

Я попыталась представить, каково это, когда тебе день за днем внушают, что ты все теряешь, забываешь, путаешь.

Когда в тебя по капле просачивается знание, что ты беспомощная, бестолковая, жалкая и не стоишь того, чтобы жить. Должно быть, это очень страшно, когда не можешь доверять своим чувствам, глазам, ушам, мозгу. По сути это убийство – медленное, изо щренное убийство души.

А чудовище, отнявшее у меня сестру, не ведает ни грусти, ни раскаяния. Наслаждается жизнью, уверен в своей непогрешимости и безнаказанности.

Мы немного посидели, думая каждая о своем. Потом я оставила ее одну и ушла. Правильно ли я поступила? Не знаю. Я сделала все, что могла, так ведь?

Как все происходило потом, я не знаю. Меня там не было. Вечером я, как обычно, покинула гостиницу. Темнеет тут быстро, важно было не упустить момент и правильно рассчитать время. По козьей тропе я вскарабкалась на вершину холма. Солнце уже погружалось в розовеющее море. Последний луч, последний отблеск райского пожара и – быстро гаснущий мир.

Я выбралась на узкую, едва различимую в темноте дорожку. Она круто шла вниз, серпантинном спускаясь в бухту. Тут полно опасных участков. В некоторых местах дорога делает такую петлю, что дух захватывает, особенно, если помотришь вниз, на почти отвесный склон холма.

Когда все было кончено, я спустилась морю и забралась на утес. Тот самый, с часовой. Поверхность камня еще хранила немного солнечного тепла. Волны одобрительно

и скорбно шелестели, разбиваясь о крутой бок утеса. Темнота вокруг шевелилась и дышала, наполненная чьим-то присутствием. Невидимая рука провела по моим волосам, нежный шепот коснулся уха. Прощальный вздох, всхлип, унесенный порывом ветра – и все смолкло.

Ненависть, темная и яростная, сжигавшая меня изнутри, погасла. Мне казалось, я сгорела вместе с ней.

Примерно через полчаса где-то рядом с воем промчалась машина скорой помощи. Еще через полчаса пронеслась другая машина с мигалками, должно быть, полицейская.

Когда я добралась до гостиницы, обе машины стояли на парковочной площадке. Проходя мимо, я заметила за стеклом полицейской машины знакомую светловолосую голову. Наташа сидела на заднем сиденье, прислушиваясь к чему-то, что говорила ей женщина в форме. Она меня не заметила.

Перепуганный Тодорис поведал мне, что случилось большое несчастье. Машина русских туристов сорвалась с дороги, слетела по склону холма и разбилась о камни.

– Мужчина мертв. А его жена, слава Богу, осталась здесь. Не поехала с ним.

– Значит, он все же нашел ключи от машины?

Тодорис скорбно покачал головой.

– Ключи нашел один из официантов. Под салфетницей на столе, за которым русские обедали. Лучше бы он их не находил!

Мой номер был пуст какой-то особенной, пугающей пустотой. Чтобы развеять это гнетущее ощущение, я разбрызгала по комнате духи с ароматом фиалок – любимые духи моей сестры, и выбросила флакончик. Больше он мне не понадобится. Я скинула платье, оставшись в белом купальнике, и подошла к зеркалу. Оттуда на меня глядел призрак.

Я сказала, что не верю в призраков? Я соврала. У каждого из нас есть свои призраки.

Иногда они смотрят из зеркал. Говорят во снах, подаются знаки. Пугают своим присутствием в темной комнате. Выходят в свет фар на опасном участке дороги.

Иногда они убивают.

Артём Боев.

Дело о пропавших варежках

Долгожданный сон Петра Петровича прервал не столько громкий, сколько неожиданный колокольный звон. Проработавший до этого в госпитале до глубокого вечера Яковлев, вставать с кровати, чтобы понять причину происходящего, не хотел, только недовольно ворочался и пытался прикрыть голову подушкой. Казалось, звон не собирался умолкнуть, будто созывал всех на пожар или еще на какую беду, но Петру Петровичу было плевать, и, когда беспорядочный бой колокола стих, врач наконец-то с наслаждением уснул.

Утром в столовой, где Пистимея накрывала на стол, Петр Петрович сквозь зевоту попытался разузнать о случившемся:

– Вас тоже ночью разбудил этот треклятый звон? Кого черт дернул устроить такое безобразие среди ночи?

– Я, Петр Петрович, и не спала, – ответила ему хозяйка дома и по совместительству ассистентка. – Жутко испугалась!

– Ну и кому это, по-вашему, понадобилось? – врач сел за стол и тут же добавил: – Подождите! Я еще работал вечером, а вы уже отправились спать. Как так вышло, что вы не спали ночью?

– Просыпалась помолиться.

Пистимея кивнула в сторону буфета, где за дверцей пря-

тались от посторонних глаз иконы.

– С Рождеством! – вспомнил Петр Петрович. Их пути с верой разошлись еще в пятнадцатом году, на войне, и сейчас пересекались лишь изредка, только потому что жил он в квартире верующей Пистимеи.

– С Рождеством Христовым!

– Получается, кто-то поднялся на колокольню и решил так отпраздновать?

– Ох, не знаю, Петр Петрович, – вздохнула Пистимея, – переживаю теперь, что будет с тем, кто учинил это. Найдут и накажут ведь! А человек явно зла не хотел.

Петр Петрович чуть не поперхнулся чаем, сдерживая смех.

– Найдут? Это Пушкив-то найдет и накажет?

Врач усмехнулся про себя, представив что-то смешное, снова потянулся к чашке, но на этот раз завтрак прервал стук в дверь!

– Товарищ Яковлев! – слышалось с лестницы. – Товарищ Яковлев, вы дома?

«Где же еще мне быть?» – ответил про себя Петр Петрович с раздражением. А причин для раздражения существовало две.

Первая – это фамилия Яковлев, к которой врач никак не мог привыкнуть, имея при этом с рождения и до недавних событий другую, менее благозвучную для нынешнего времени. Вторая же – Пушкив, голос которого узнал врач –

представитель новой власти, начальник отделения народной милиции и самого Петра Петровича. Немногим старше Яковлева, в прошлом – работник местной стекольной фабрики, став после революции «большим» начальником, начал всячески навязывать свой авторитет. Непробиваемый врач долго противился этому, пока не осталось выбора, кроме как встать под началом Пушкова. В частности, Петру Петровичу не нравилось то, что Пушков по служебным обязательствам звал его на любые освидетельствования медицинского характера. Даже бесполезные – например, когда Яковлеву пришлось писать в отчете «отек на спине характерен удару оглоблей» для случая с десятком свидетелей, когда этой самой оглоблей кого-то огрели.

Вот и сейчас Петр Петрович решил, что Пушков снова пришел из-за какой-нибудь ерунды, и все же должность не только врача, но и медэксперта, будто специально созданная Пушковым, чтобы действовать Петру Петровичу на нервы, обязывала подчиняться.

– Петр Петрович! – с ходу начал Пушков, едва зашел в коридор через открытую Пистимеей дверь. Зашел прямо в сапогах с налипшим снегом в столовую. И быстро проговорил, только завидев врача, сидящего за столом: – Собирайтесь, поехали.

Яковлев тяжело выдохнул, скрыл недовольство такой прямолинейностью, но все-таки вставать из-за стола не торопился. Доесть неторопливо завтрак было делом принципа.

– Что на этот раз, товарищ Пушкив? – поинтересовался врач, с особой иронией выговорив «товарищ». – Очередная пьяная драка с повреждением ограды?

– Там...

– А может, – продолжил Яковлев, уже не скрывая недовольства, – у вас наконец что-то серьезное? Труп там, например?

– Труп, товарищ Яковлев.

Петр Петрович снова хотел перебить милиционера, но остановился на полуслове, услышав неожиданное подтверждение догадки.

– Что вы говорите... – проговорил врач тихо, чуть ли не себе под нос

Раздражение исчезло мгновенно, появилась заинтересованность, а с ней и тревожность. Смертей, из-за которых Пушкив мог обратиться к Яковлеву, в городе давно не происходило.

– И кто же? – спросил наконец Петр Петрович.

– Масленников. Священник.

Врач и ассистентка переглянулись. Пистимея, которая в присутствии Пушкива всегда закрывала собой буфет с иконами, в ужасе прикрыла рот ладонью. Петр Петрович тоже чуть не поддался нахлынувшему неприятному чувству, но вовремя собрался.

– У вас случайно лишней пары варежек или хотя бы перчаток не найдется? – неожиданно спросил Пушкив.

– Нет, а с вашими что?

– Да как в землю провалились. С самого утра найти их не могу.

Яковлев смирился с тем, что некоторыми принципами вроде завтрака можно пожертвовать, и коротко сказал:

– Поехали.

У храма, куда вскоре прибыли врач и молодой начальник милиции, уже столпились люди, которых с переменным успехом сдерживали немногочисленные подчиненные Пушкина. Толпа из пары десятков жителей плакала, скрипела свежесвыпавшим снегом и выпускала пар. Женщины рыдали навзрыд, отворачиваясь от места, где находилось тело. Мужики смиренно молчали, опустив шапки.

– Сюда, Петр Петрович, – Пушкин показал рукой в сторону оврага, что располагался под стенами колокольни. Там, в самом низу, уже припорошенный, с выглядывающей из-под снега посиневшей кожей лежал мертвый отец Георгий. В миру и в особой картотеке Пушкина значащийся как Георгий Масленников. Одет он был в грязный изношенный полушубок, шапки на нем не было, отчего седые волосы лежали растрепанными на снегу и лице покойника.

Постоянно проваливаясь ногами в снег, Петр Петрович добрался до трупа, наполовину откопанного двумя милиционерами из сугроба. Лицо провалилось будто по инерции от удара. Из приоткрытого рта виднелась застывшая струйка

темной крови, растворившаяся где-то в густой бороде. Руки с изрезанными ладонями смотрели в стороны.

Подняв взгляд на колокольню, выследив четкую вертикальную траекторию, Яковлев снова вернулся к телу. «Без вариантов,» – заключил он.

– Я так понимаю, вам уже ясно, что случилось, Евгений Максимович? – обратился врач к только подошедшему начальнику. Тот из-за невысокого роста пробирался через сугробы с трудом.

– Ясно как день. Напился, разбил окно, проник внутрь, поднялся на колокольню, разбудил половину города после чего сорвался вниз, – разложил по полочкам Пушкин. – То грозился спалить мне там все, а вот нате – допрыгался.

Петр Петрович со стыдом вспомнил, как ночью с радостью дождался последнего удара колокола, пытаясь уснуть. Оправдываясь, врач напомнил себе, что Масленников давно перестал быть тем, кем являлся до закрытия храма. Бывший священник жил неподалеку и наблюдал, как большевики превращали храм в продовольственный склад, вытаскивая все ценное. Спившийся, больше походивший на бродягу, чем на священника, он только давал повод Пушкину с его псами унижить и без того всюду гонимую церковь в глазах горожан. Итог был предсказуем. Но не такой нелепый и трагичный.

Раздумья врача прервал неразборчивый шепот сбоку: «Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота веч-

наго...» Петр Петрович повернулся и увидел даже не молодого, а юного милиционера. Тот с мокрыми от слез глазами смотрел на священника, проговаривал едва слышно молитву: «Упокой, Господи, душу невинно убиенного раба Твоего Георгия». Яковлев увидел, как милиционер хотел перекреститься, но того остановил напарник, что стоял рядом, ткнув локтем в бок.

Отметив про себя, что не все помощники Пушкива такие уж и псы, врач понимающе кивнул молодому милиционеру и обратился уже к его начальнику:

– Евгений Максимович! Здесь закончили, можете отвезти тело. Отчет будет готов к вечеру, тогда за ним и приходите.

– Висловы, грузите попа в сани, – приказал Пушкив тем двоим, оказавшимся братьями. – Закругляемся, а то уже рук не чувствую.

Братья подошли к трупу с двух сторон и наклонились почти одновременно, чтобы взяться за руки и ноги. Петр Петрович не без уважения отметил, как молодой милиционер все-таки перекрестился, наклонился, чтобы поцеловать покойника в лоб, и только после этого взялся за голенища одеревенелых сапог. Пока тело поднимали, Петр Петрович обратил внимание на затылок, который был черным от запекшийся крови, как и снег под ним.

– Стойте! – приказал братьям Яковлев, чтобы рассмотреть затылок получше.

Немного надавив, врач через перчатку почувствовал, как

кость черепа с легкостью провалилась внутрь. После чего разгреб ногой снег там, где только что лежал покойник, еще раз направил взгляд наверх, к колокольне, и наконец подождал жестом Пушкиова к себе.

– Что вы тут устроили, Яковлев? – начальник был явно недоволен. То ли тем, что врач решил покомандовать его помощниками, то ли отсутствием варежек, от чего приходилось отогревать ладони собственным дыханием.

– Смотрите! – Петр Петрович показал пальцем на затылок, – тут вмятина от удара.

– Ну правильно! – Пушкиов трясся от холода. – Упав вы с такой высоты, я бы посмотрел, что от вашей головы останется.

– Но не при падении в снег, Евгений Максимович, – стоял на своем Яковлев. – В месте, где упал Масленников, я также не обнаружил никаких твердых предметов, о которые можно было бы так разбить голову.

Пока Пушкиов переваривал услышанное, Петр Петрович продолжил распоряжаться его помощниками, которые так и стояли застывшими с трупом в руках, благо у обоих были надеты овчинные варежки.

– Грузите его и везите ко мне в больницу. Пистимее Ивановне скажите, чтобы готовила стол в леднике. Я скоро подъеду и будем вместе осматривать

– Ничего не понимаю, – прервал свое молчание начальник.

– Я тоже, Евгений Максимович, – загадка приободрила Петра Петровича, а озадаченный вид ненавистного Пушкиова поднял настроение. – Предлагаю пройти в церковь и осмотреться.

– Да-да, – промямлил Пушкиов, все еще не осознавая, что дело оказалось не таким простым, каким было на первый взгляд. – Пройдемте.

Оба поднялись на вершину оврага и оказались у входа в храм. Толпа переместилась в сторону саней, куда грузили тело Масленникова, предоставив к дверям свободный доступ. Однако массивные ручки сдерживала цепь, сцепленная при этом внушающих размеров замком.

– Ключ у вас с собой, Евгений Максимович?

Пушкиов в недоумении начал хлопать себя по карманам в поисках ключа.

– Так он в отделении, у меня в столе! – остановил обреченную попытку начальник милиции. Осмотревшись вокруг, он понял, что помощников рядом не осталось, тяжело вздохнул и добавил: – Скоро вернусь.

Пушкиов засеменил в сторону отделения, которое находилось на противоположной стороне пустыря. Петр Петрович, тем временем, решив не оставаться без дела, направился к разбитому окну в алтаре, через которое и проник ночью покойный священник.

Под стеной алтаря, у самой дороги, удачно расположился накиданный дворником сугроб, из-за чего Яковлеву, как

видимо и Масленникову накануне ночью, не составило труда забраться наверх. Петр Петрович перелез через раму. Спрыгнул вниз на дощатый пол, усыпанный осколками витража, и тут же наткнулся на шапку Масленникова. «Снял или потерял?» – подумал Яковлев, рассматривая подкладку. Следов крови на ней он не обнаружил.

В помещении больше похожем на склад трудно было узнать алтарь. Ни одной иконы или подсвечника. От престола остался только прямоугольный ящик. Вместо семисвечника на самом ящике одиноко возвышалась сторевшая наполовину свеча. Ее, как предположил Яковлев, здесь оставил Масленников, совершая одиночное богослужение. В самом храме, таком же голом, как алтарь, несколькими кучками хранились мешки с зерном. О прошлом здесь напоминал лишь расписанный купол с Христом и апостолами, до которого не дотянулись руки советов, да колокол, который еще служил для сообщения о пожаре.

На другой стороне, у входа, за маленькой дверью скрывалась каменная лестница, ведущая наверх. На узких ступеньках, в самом ее начале, остались следы снега и сапог. Такие же следы были по всему храму – и у разбитого окна, и у входа.

Петр Петрович начал подниматься и с удивлением обнаружил, насколько это тяжело даже для него. Если нетрезвый Масленников задумал успеть к полуночи прозвенеть в колокол, то ему пришлось бы еще с вечера подниматься. Уже на-

верху Яковлев осмотрел площадку, убедился, что она вовсе не скользкая, и Масленников не мог случайно наехать на железные перила и перекинуться через них.

Внизу раздался голос Пушкива:

– Петр Петрович! Вы наверну? Я сейчас поднимусь!

Яковлев услышал, как Пушкив открыл замок, размотал цепь, с усилием открыл тяжелую дверь и уже внутри потопал ногами, чтобы сбросить прилипший к ногам снег.

– Не нужно, Евгений Максимович! – остановил его врач. – Здесь ничего интересного. Поедьте ко мне, внимательно осмотрим рану на голове отца Григория.

– Ничего не нашли? Может мне стоит осмотреться? – не унимался милиционер, пока Петр Петрович медленно спускался. – А вдруг что-то упустили?

– Нет, поверьте. Здесь больше делать нечего! – успокоил его врач, и заметив, что тот чуть ли не сует пальцы в рот, чтобы их отогреть, с нескрываемой иронией произнес: – Должен извиниться, что я был о вас плохого мнения.

– Это почему же?

– Вы заботитесь о подчиненных. Жертвуете собой в условиях сокращенного довольствия.

– Говорите яснее, Яковлев, – Пушкив разозлился. – Мне не до смеха, видите ли.

– Какой же тут смех, – продолжал иронизировать Петр Петрович, — Мне придется вам в скором времени ваши кукольные пальчики ампутировать. В то время как ваши под-

чиненные будут продолжать работать руками в тепле.

– Идите к черту, – Пушков обиделся, вышел на улицу и протянул ключи Яковлеву, безмолвно дав понять, что сам уже не в состоянии закрыть замок. – Я этих помощников под трибунал...

– За что же? – уточнил врач, наматывая цепь.

– Положил вечером сушиться – утром уже нет. Значит кто-то носит их сейчас, – рассудил Пушков и тут же заключил: – Вот и получается – сперва за хищение, а вдогонку – за потерю вверенного имущества. Явно же свои потерял где-то, потому и мои украл. И самое главное – они никому не налезут!

– Ну вы горазды судить. Лучше скажите, кто дежурил сегодня ночью?

– Так я и дежурил, – опустил голову начальник милиции и ускорил шаг, – Давайте скорее к вам. Покончим уже с этим.

Какое-то время ехали в санях молча. Пушков, пряча руки в сомкнутых рукавах, строил в голове козни. Петр Петрович рассуждал о случившемся в храме и держал вожжи. Но попутчик то и дело произносил вслух проклятия, из-за чего пришлось отвлечься.

– А если бы оказалось, – начал Яковлев, – что ваши варежки украл младший Вислов? Как его там..?

– Алексей? Во-первых, я с трудом поверил бы, – ответил Пушков, не задумываясь. – Скорее брат его, Никита. Тот – да. Не было бы формы, сказал бы – уголовник. А для брата

сделает все. Еще с приюта всюду за ним архангелом ходит. Я их как облупленных знаю. А почему вы спросили?

– Просто так.

– Я понял! – догадался милиционер. – Думаете, я не вижу, что Алеша то и дело молится, да крестное знамение направо и налево раздает? Я сам нет-нет, да перекрещусь, перед тем как в храм зайти. Хоть там храмом давно и не пахнет. А что поделывать – привычка.

– И вы при этом начальник милиции.

– Ой, кто бы говорил. Вас вон вытащили из деревни, где вы сифилисным бабам в рот смотрели. Знаем, слышали. Хоть бы спасибо сказали. Вам выдали квартиру прямо у больницы, живите, пожалуйста, себе в удовольствие да служите стране. А вы что сделали? Наняли хозяйку как домработницу, ассистенткой ее еще зачем-то назвали.

– Ей некуда было идти. Это ее дом! – сказал Петр Петрович.

– Ладно, будет, – успокоился Пушкин. – Я же все вижу, но молчу. Сам не без греха. У всех внутри еще есть немного старого режима.

– Со временем и это исчезнет, – добавил Яковлев. – Но, наверно, уже без нас. Мы с вами. Евгений Максимович, немалую жизнь прожили до революции. Как вы говорите, привычку так просто не искоренить, как прыщ не выдавить. А таких, как Алексей, еще можно перевоспитать.

– А зачем? – не согласился милиционер. – Да и не полу-

чится. Он же семинарию закончил в восемнадцатом. Из него просто так это дело не выбьешь. Не зря же он просился постоянно этот склад с зерном охранять.

– И что? Стоял в карауле?

– Что вы! Он доверчивый. Вдруг Масленникову откроет по доброте душевной?

– Уже не откроет, – сказал Петр Петрович, когда они вдвоем подъезжали к дому.

Как только оба зашли в квартиру, Пушкив тут же отправился греться у печи, где оставил лужу растаявшего снега под ногами. Яковлев, околевающий не до такой степени, позволил себе войти не торопясь, спокойно снять перчатки, зимнее пальто, шапку, оставив все это в прихожей, и уже потом зайти в гостиную. Там уже постанывал от ломающей боли в кистях начальник, а за столом согревались гостеприимно предложенным Пистимеей чаем братья Висловы.

– Как удачно, что все здесь, – сказал Петр Петрович.

– Подождите хоть немного, Яковлев, – умолял Пушкив. – Дайте хоть согреться! Масленников никуда не убежит.

– Да, конечно, Евгений Максимович. Вы не торопитесь, грейтесь на здоровье.

Пушков повернулся ко всем спиной и продолжил очень быстро тереть ладони и ухать от ломоты.

Петр Петрович осмотрел гостиную, в которой, казалось, знал уже все до мельчайшей детали. Однако одна вещь сильно выделялась среди остальных. Ее-то и искал Яковлев для

подтверждения своей догадки. Осталось сделать еще кое-что.

– Алексей! – обратился он к младшему Вислову, – Сходите, будьте добры, за Пистимеей Ивановной. Сообщите ей, чтобы готовилась. Она, вероятно, в своей комнате.

Тот встал из-за стола и вышел из гостиной.

– Никита! – громко обратился Петр Петрович на этот раз к старшему Вислову, отчего тот вздрогнул. – Вы свободны! Мы с Алексеем вас догоним в отделении.

Старший Вислов, на секунду смутился, не ожидая, что его разделят с братом, но через мгновение тоже покинул комнату.

– Согрелись, Евгений Максимович? – спросил Яковлев Пушкиова, когда они остались наедине. – Проследуем на осмотр?

– Бррр! – милиционер затрясся при одной мысли, что ему придется снова выходить на холод. – Я рук до сих пор не чувствую.

– Так вы возьмите варежки. Вон они, рядом с вами, уже чуть ли не копятяся.

Пушков начал с прищуром осматривать пространство перед собой. Наконец, он поднял глаза и на веревке, над чугунной плитой увидел желанные варежки.

– Ха-ха! – обрадовался начальник. – Горячие какие!

Пушков был готов отправиться хоть сейчас на покорение полюса и даже не сразу понял, что они были ему в пору.

– Погодите-ка! – начал догадываться он. – Это же мои варежки! А ну-ка!

Он снял одну из них и вывернул наизнанку.

– Ну вот же! – и чтобы было ясно, о чем речь, показал поближе Яковлеву. – Метка моя! Я нитками на всех вещах вышиваю букву «П»

– И правда, ваши, – согласился Петр Петрович.

– Где этот Вислов? Я его сейчас на месте расстреляю.

Пушков выбежал из квартиры. На улице не обнаружив саеней, на которых прибыли Висловы, вспомнил их мать, запряг оставшиеся сани и умчался вдогонку, продолжая выкрикивать проклятья.

Едва стихли крики, в комнате появился Алексей Вислов.

– Товарищ Яковлев, – обратился он к Петру Петровичу. – Пистимей Ивановне сообщила. Сказала, что будет готова через пару минут. Мы с вами сейчас пойдем?

– Подождите, Алексей, – Петр Петрович был серьезен, так как шутки на этот раз закончились. – Мне нужно задать вам пару вопросов.

Алексей медленно сел за стол, искренне не понимая, что происходит.

– Я хочу услышать от вас только правду, товарищ Вислов. Куда вы дели испачканные в крови Масленникова варежки, принадлежащие вам?

Лицо молодого милиционера в мгновение побледнело.

– Нет!

– Вы проникли в храм, чтобы провести там богослужение?

– Я..защищался. Я не хотел! – Вислов не смог больше сдерживать слезы и заревел.

– Обещаю вам, Алексей, – попытался успокоить его Петр Петрович, – я не сдам вас под суд, и не только потому что мне ненавистен Пушкин. На это есть другие причины. Но мне нужно понимать, что произошло. Вы проникли в храм, что провести службу?

Алексей, вытерев рукавом слезы, согласно кивнул.

– А дальше?

– Я услышал, как кто-то разбил стекло в алтаре, – проговорил Вислов, немного успокоившись. – Думал, это расхитители, про которых Евгений Максимович постоянно говорит.

– И вы спрятались, – Яковлев больше утверждал, чем спрашивал. – Но в алтаре горела зажженная вами свеча, и Масленников понял, что он не один.

– Да, он, видимо, взял камень, которым разбил окно, и начал меня искать, а мне что еще оставалось делать? Я так испугался, что начал молиться. Тут он меня и нашел.

– И он просто на вас напал?

Алексей снова молча кивнул.

– Что было дальше мне в общем-то ясно. Он хоть был с камнем в руке, но вы Алексей и моложе, и, кхм, трезвей. Я, так понимаю, в процессе камень оказался у вас и вы, обороняясь, ударили Масленникова в затылок?

– Тогда пришел Никита. Если бы не он, наверное, отец

Георгий забил бы меня насмерть.

– Что ж, – удивился Петр Петрович. – Я думал, что Никита появился позже, когда вы вернулись после содеянного домой и попросили его помощи.

Алексей осматривал свои ладони, будто на них до сих пор была кровь убитого священника.

– В любом случае, – продолжил Яковлев, – вы подняли тело на колокольню, при этом испачкали свои варежки в крови Масленникова. Сбросили тело вниз, пробили несколько раз в колокол, будто это отец Георгий решил отпраздновать Рождество...

– Наоборот, – перебил Вислов.

– Что наоборот? – не понял Петр Петрович.

– Сперва ударили в колокол, потом сбросили.

Яковлев застыл в легком недоумении, но через мгновение продолжил описывать события:

– Вы выкинули окровавленные варежки. Никита, как заботливый брат, принес вам подходящие по размеру варежки Пушкива.

– Это он сейчас за Никитой погнался? – заволновался за брата Алексей.

– Как я говорил, сдавать я вас не собираюсь. Максимум – Пушкив сдерет с вас три шкуры за то, что морозился весь день. Но он не злопамятный. И поэтому долго мучать вас не будет.

– Но мы же убили священника! – не унимался милицио-

нер.

– В первую очередь, вы убили нарушителя, который незаконно проник на склад с продовольствием. Не соверши вы эти манипуляции с трупом, Пушкив благодарность какую-нибудь, возможно, бы выписал.

Вислов все еще со страхом смотрел на Яковлева, ожидая своей участи.

– Скажи я Пушкиву как есть, – добавил Петр Петрович, заметив это, – у него не будет выбора, как судить вас, несмотря на все обстоятельства. Поэтому я ему предоставлю другую версию. Более убедительную, чем то, что произошло на самом деле.

– Почему?

– Да потому что не молись ты тогда в овраге, я бы никогда не догадался что вы с братом как-то с этим связаны!

Лицо Алексея уже выражало не страх, а недоумение.

– Ты сказал «упокой душу невинно убиенного», хотя мы еще не знали, что Масленников был убит.

– Вам вместо Евгения Максимовича надо стать начальником, не меньше.

– Уж увольте, – отмахнулся Яковлев и, бросив короткий взгляд в окно, добавил. – Вот, кстати, он. Давайте, Алексей. Не выдавайте нас обоих и, если что, подыграйте.

– Где эта мразь?

В квартиру, открыв дверь ногой, размашистым шагом зашел Пушкив. Увидев сидящего за столом Алексея, он под-

скочил к нему, взял за грудки и поднял.

– Где твой брат? – заорал он ему прямо в лицо. – Обоих сгною!

– Успокойтесь вы уже наконец! – вмешался Петр Петрович. – Варезки нашлись, ну посидят братья пару дней в камере для воспитания. Думаю, хватит с них.

Пушков продолжал держать Вислова, тяжело дыша. Потом резко отпустил, после чего свалился на софу без сил.

– Вы осмотрели тело? – спросил он врача, отдышавшись.

– Осмотрели. И готовы вынести заключение.

– Не томите, Яковлев. Я так устал, что, наверно, усну у вас прямо здесь.

– Ну что ж, – приступил к своей второй, «официальной» версии Петр Петрович. – Масленников проник в храм через алтарь, как это всем уже ясно. Провел некие ритуалы, после чего поднялся к колоколу с целью ударить в него некоторое количество раз.

– А где ему по затылку-то вдарили? – перебил Пушков.

– Там и вдарили, – продолжил Яковлев. – Раскачав колокол для последнего звона, Масленников отворачивается, может быть, чтобы посмотреть в скольких окнах загорится свет после его выходки, но не отходит на должное расстояние и получает удар вернувшимся колоколом по затылку. Потеряв равновесие, он падает.

– Bravo, Шерлок! – Пушков все еще распластавшись на софе, лениво похлопал. – Теперь мы можем расходиться?

– Попрошу заметить, Евгений Максимович, – Петр Петрович, захотел оставить последнее слово за собой. – Есть более важное дело, которые мы сегодня закрыли.

– Это какое же?

– Дело о пропавшей паре варежек.

– Идите к черту, Яковлев!

Янина Береснёва.

Три папы, Снегурочка и Шерлок Холмс

У меня три папы и секретарша Славик. Если я где-то об этом рассказываю, все округляют глаза. Как по мне, ничего необычного. Мамуля трижды выходила замуж, и каждый раз – удачно. Для меня.

Папа №1 не был моряком дальнего плавания, но, по мнению бабули, слишком долго плывал. Уже в два года я знала, что папа-полицейский всегда на работе.

Папа №2 был бизнесмен, а не бандит. Но, по мнению бабули, все богатые люди – бандиты, а он был богатым.

Папа №3 не ловил ворон. Он был философом, но, по мнению бабули, он был бездельником.

С отцами мне несказанно повезло. Мамуля сказала им «adios», но все трое звали меня дочкой и щедро делились житейской мудростью.

Я окончила юридический: папа №2 и №3 одобрили выбор. Первый хотел иметь своего юриста на случай непредвиденных обстоятельств, второй надеялся, что там я быстро осознаю тщетность бытия. Папа №1 не голосовал: он был на работе.

Получив диплом, я занялась организацией свадеб. Назло

всем. Кстати, первую свадьбу я организовала еще в утробе матери. Это ее слова, не мои. Благодаря мне родители и поженились. Я была незапланированным, но любимым ребенком: называли меня Дариной, что означало «Божий дар».

Мне казалось, что в моей работе есть нечто возвышенное и прекрасное: белые платья, голуби и торты. Папа №2 по случаю купил мне пустующий офис в центре. Там я и открыла агентство праздников «Шанс от Дарины». Мой пакостный секретарь Славик всегда добавлял к названию приставку «последний».

Как и всякий организатор свадеб, через год я уже не пылала любовью к тортам и голубям. Первые вызывали тошноту, вторые – жалость. Еще через год я стала цинично смотреть на институт брака, а через два решила вообще не выходить замуж и сосредоточиться на карьере.

Папа №2 посмеялся, а папа №3 изрек очередную мудрость (где он их там брал, лишь Богу известно):

– Каждый идет своим путем. Но все дороги все равно идут в никуда. Значит, весь смысл в самой дороге, как по ней идти.

Я покивала, но не нашлась с ответом. Видимо, к тому времени папа достиг такого уровня просветления, что понять его мне было не по силам.

Папа №1 в обсуждениях не участвовал: был на работе.

Декабрь «порадовал» полным отсутствием новогоднего настроения. Наблюдая за людьми, которые искали подарки,

ездили за елками, появляющимися во всех уголках города, казалось, что это какая-то параллельная жизнь, которую мне не понять.

– Славик, кто следующий? – прервала я поток мыслей.

– Коробочкин с юбилеем. Достал этот жирдяй! – проворчал Славик, противно чавкая жвачкой.

– Славик, в нашем мире праздника и радости не говорят «жир». Говорят: «лишние сантиметры в области талии».

– Ага, – хмыкнул он, – а усы – даже если они пышные, как у нашей уборщицы, – назовут «волосками над верхней губой», а целлюлит – «апельсиновой коркой». Ну-ну.

– Куда приятнее знать, что твои ягодицы напоминают апельсин, а не вялую каракулеву шапку. Тебе не понять, на костях нет целлюлита.

– А у тебя, можно подумать, он есть. Ты вообще почти что идеал. Даже это дурацкое каре тебя не портит. Хотя я говорил, что не стоит обрезать шикарную косу. В одной книжке...

– Ты бы больше работал, а не книжки читал, – отрезала я, а обиженный засопел и демонстративно уткнулся в подаренную мною книгу – «Записки о Шерлоке Холмсе».

Мой секретарь Славик – выдающаяся личность: существо почти без достоинств, крайне зловредное и ехидное. Он ушаст, психически неустойчив, весь покрыт локтями, коленями и кожными высыпаниями. Кажется, Славик состоит только из обид и амбиций. Зато от него всегда можно узнать

что-то новенькое: уверена, в школе он был зубрилой.

Славик достался мне в наследство от папы №2: когда-то он работал у него медбратом (Славик перебрал почти все женские специальности). Папа решил, что мне он нужнее, но я подозреваю, что Славик был у меня папиными «ушами».

Несмотря на абсурдность следующего заявления, Славик чрезвычайно нравился дамам всех мастей и возрастов: видимо, вызывал у них острый материнский инстинкт, желание накормить его и взять домой, как бездомного котенка в Новый год.

– Новый год, Новый год, что-то нам он принесет? – словно услышав мои мысли, запел Славик дурным голосом, а я показала ему язык.

На носу был ежегодный конкурс на звание лучшего агентства праздников области, где мы лидировали. Последний этап – необычное конкурсное мероприятие, которое нам предстояло организовать перед Новым годом. Об этом мне сообщил Славик, который сосал кофе через трубочку и лениво просматривал корпоративную почту..

– Где я им откопаю необычное мероприятие, кругом одни «елки», – проворчала я, почесав ручкой за ухом. Славик промычал что-то неопределенное, а у меня запикал мобильный: папа №2 был на проводах.

– Доча, я тут к тебе одного типа отправил: Сергей Свирский, помнишь его? Ювелирка, антиквариат, 40 лет, не женат.

– Если ты опять про то, что мне пора замуж...

– Да нет, тут другое. Хотя тебе уже 26, пора... Ладно, не перебивай. У него свадьба, какие-то непонятки с организацией. На банкете сказал ему, что у тебя агентство. Клиент солидный, ты уж уважь. Выбирай любой из моих ресторанов, сделаю хорошую скидку. Папа молодец? И не благодари.

Он отключился, а я закатила глаза. До Нового года всего ничего, а он тут со своими знакомыми. Славик, как всегда, подслушивал чужие разговоры, поэтому сразу отреагировал:

– Каждый день расписан: корпораты, утренники...

Он хотел еще что-то присовокупить к своему перечислению, но в кабинет забежала Людочка из приемной:

– Там к вам мужчина представительный, умереть не встать. Приглашу?

Славик наострил уши, а я машинально поправила волосы и выпрямилась.

Через минуту Людочка ввела клиента. Я привстала, а холеный брюнет с легкой проседью галантно приложился к моей руке. Славик хмыкнул, но я пнула его ногой под столом. Сергей Петрович сослался на папу, я покивала.

– Дарина, рад знакомству! Копия отца! – он склонил голову, любуясь моим анфасом, а я притворилась смущенной. Не буду же я ему пересказывать историю своего многоотцовства.

– Вас привела к нам приятная новость – вы женитесь? – решила я не тянуть кота за хвост, а Свирский принялся

за поданный кофе.

Славик с видом скромника ухватил ежедневник, готовясь стенографировать. Если Свирского и смутила моя «секретарша», виду он не подал.

– Моя просьба несколько необычна. Поэтому я здесь сам, без посредников. Не знаю, как начать...

– Как зовут невесту?

– Таня, Танечка.

– Итак, она звалась Татьяной, – попыталась я приободрить Свирского цитатой, но в ответ он лишь пошевелил густыми бровями и вздохнул. Я удивилась: вздыхают обычно в книгах, в жизни редко кто это делает.

– Она моложе меня, ей 24. Мы вместе уже год, все серьезно. Ее отец бизнесмен, долгое время они жили в США, недавно вернулись на Родину. Мы хотели пожениться после Нового года, с размахом. Точнее, я хотел. Танечка скромная, чистая девочка. Ей чуждо все напускное. Но отец... Он болен: проблемы с сердцем.

– И?

– Последние недели стало хуже, врачи настаивают на операции. Надо срочно лететь в Штаты, а Таня очень переживает. Я решил: нам надо пожениться как можно быстрее, чтобы отец присутствовал.

– Опасаетесь, что отец отправится к праотцам? – осведомился Славик, а я повторно лягнула его каблуком.

– Что? А, в этом смысле? Да, как это не прискорбно, пути

Господни неисповедимы. Уверен, Танечка была бы спокойнее, оставаясь здесь под присмотром мужа.

– Допустим. Когда вы планируете торжество? Посмотрю, что мы можем предложить в ближайшие...

– Через неделю.

– Шутите?

– Подождите, – взмолился Свирский. – Я все продумал. Сейчас пора корпоративов. Организуем небольшое мероприятие: узкий круг гостей, все свои. Танечка работает со мной, отец передает ей управление. Мы хотим объединить бизнес, поэтому она перенимает опыт. Будут сотрудники, кое-кто из родни. Я приглашу всех на корпоратив, а свадьба станет сюрпризом. Может, что-то необычное: официанты в костюмах Деда-Мороза? Стилизуем все под новогоднюю тематику: елка, гирлянды...

– Сугроб, медведи, – подсказал Славик.

– Тоже можно, – не заметил подвоха Свирский, а я нервно сглотнула. – Танюша очень любит все русское, понимаете? Тоска про Родине.

– Прощай, немытая Россия, – загнул Славик, а я покраснела. От злости. Но тут у Свирского завибрировал карман. Извинившись, он вышел в холл, а я тут же напустилась на подстрекателя:

– Не пойму: ты веселый или тупой? Это важный человек, а ты паясничает.

– Ты же не собираешься соглашаться на этот пир духа?

И все даты расписаны, – гнул свое Славик, а я подперла щеку рукой.

– И что делать? Слушай, – осенило меня, – вот тебе и необычное мероприятие для конкурса: у всех корпоративы, а у нас – тайная свадьба! Представь...

Меня понесло, и я в красках описала свои фантазии: папин загородный гостиничный комплекс «Водопад слез», новогодние украшения, голубые ели, лошади, икра, ледяная водка, сани, цыгане с медведем.

– И Дед Мороз с бубенцами...

– Если не перестанешь нить, лишишься своих бубенцов. И премии, – шикнула я на Славика, потому что Свирский вернулся в кабинет.

Я изложила ему концепцию, предупредила, что придется привлечь дополнительных работников и «пахать» в три смены, а еще заручилась согласием на съемку для конкурса.

– Конечно, я все понимаю, сжатые сроки. Уверен: все получится. Секретарь перешлет вам все данные, денежные вопросы тоже решайте с ней.

Мы распрощались, довольные друг другом, а я сразу позвонила папе №2

– Свирский свадьбу хочет через неделю, невеста в положении?

– Доча, не нагнетай, у папы и так изжога, – вздохнул родитель, – Свирский скоро объединит капиталы с богатым американским ювелиром. У жениха дела не очень: операции

с антиквариатом рискованны. Но брак по любви: невеста свежа и аппетитна. Брачуй смело, зачтется.

Следующие дни мы работали в поте лица: все сотрудники были заняты на других мероприятиях, пришлось привлекать наемников. Славик ныл, что у него обострился гастрит, а я нервно дергала глазом.

– Устал – это когда уснул на американских горках. Надо все контролировать, а то напорчат, – ворча, пересчитывала я карточки с именами гостей. – Это шанс засветиться перед важными клиентами.

В день X мы заявили в ресторан пораньше, проверить боевую готовность. Кроме прочих бед, нам со Славиком предстояло сыграть роли Мороза и Снегурочки: лучиться счастьем и потеть в душных костюмах.

Сначала все шло подозрительно гладко: гости оценили сюрприз. Отец невесты – полный дядька с красноватым лицом – довольно кивал. Свирский благосклонно улыбался и был похож на лорда в сером щегольском костюме.

Невеста действительно была хороша: стройная, в скромном платье цвета шампань, волосы собраны пучком у изящной шеи. Представляю, какое впечатление произвела на нее наша цыганщина, стилизованная под современность. А вот публика была в восторге: за окном падал снег, музыка лилась, косуля жарилась, а тамада выворачивался наизнанку.

Если Татьяна и удивилась, то виду не подала и изобразила счастье. Обмен кольцами и нестареющий Мендельсон заста-

вили прослезиться даже самых заядлых скептиков. И Славика.

Я расслабилась и отправилась переодеться в подсобку, где обычно оставляла свои вещи. И тут дверь в конце коридора резко распахнулась: раскрасневшаяся и взволнованная невеста выскочила из темной комнаты и метнулась в сторону туалета.

Нырнув за поворот, я осталась незамеченной. К моему изумлению, почти сразу из этой же комнаты выскользнул высокий плечистый парень в кожанке. Среди персонала он замечен не был, и это удивило. У Татьяны интрижка под носом у мужа? А что, за свою практику я и не такое видала.

Вскоре я поделилась опасениями с секретарем. В этот день он был на побегушках, да еще и диджеил. При этом успевал читать книжку, которую повсюду таскал за собой. Славик охнул, покраснел ушами и решил закурить. Это шло ему, как корове седло. Я отправилась с ним, проветриться. Мы завернули за угол, и я дернула Славика за рукав: чуть поодаль смачно скандалили. Голоса были женские.

– Он со мной три года... если бы не твой богатый папаша!

– Не верю! У Сергея нет от меня секретов, он бы не стал...

– Много ты знаешь!

Славик прижался к стене, увлекая меня:

– У нас полна коробочка. Сначала обжималки в подсобке, а теперь невеста с кем-то обсуждает бурное прошлое жениха, – зашептал он мне в ухо.

– Думаешь, это любовница Свирского?

– Фиг знает. Хотя... Точно, эта дамочка пыталась про-
рваться на свадьбу. Я в окно видел, как охрана ее не пустила.

– Да? Я все интересное профукала. Не будем тут отирать-
ся. Это их дела. Похоже, парочка друг друга стоит. Главное,
чтобы свадьба прошла, оператор все снял, а жюри – оценило.

Славик нехотя кивнул, а мне позвонил тамада: пора бы-
ло выносить торт. Дальше все пошло своим чередом: десерт,
танцы, выпивка и снова танцы.

Татьяна вернулась в зал и вела себя спокойно: я выдохнула
с облегчением. Через 20 минут она подошла ко мне и, из-
винившись, спросила таблетку от головы.

– От духоты началась мигрень, я вообще шумные меро-
приятия не люблю. Сергей сам все затеял, – виновато улыб-
нулась она, а я побежала за аптечкой.

К полуночи съемку свернули, а у меня тоже зверски раз-
болелась голова. Оставив за главного Славика, я умчала
в объятия Морфея.

Утром я едва успела выпить кофе, любуясь огоньками
на елке в холле, как раздался характерный звук мобильного.
На экране был номер Свирского: молодожену не спалось.

– Все пропало! Дарина, приезжайте. Я в президентском
люксе.

– Что случилось?

– Танечка пропала. Или сбежала, – Свирский чуть не пла-
кал, а у меня затряслись руки.

Славик традиционно опоздал, поэтому сейчас разматывал свой длинный шарф и хукал на руки. Я велела ему заматываться назад, а по дороге ввела в курс дела. Славик привычно завис, переваривая информацию.

– Все же было чики-пуки. Она подходила ко мне. Даже спросила, что я читаю. Мы поболтали, я еще подумал, что Таня огонек. Жаль, что замужем.

Свирского мы застали в халате и почти что в слезах. В ответ на его вопросительный взгляд в сторону Славика я быстро пробормотала:

– Он сообразительный.

– Да? А так сразу и не скажешь.

Обиженный Славик фыркнул конем:

– Может, ближе к делу?

Оказалось, Таня около полуночи отлучилась в номер, сославшись на головную боль. Гости не заметили ее отсутствия, а муж через час поднялся наверх. В номере было пусто, телефон отключен. Гостей, к счастью для Свирского, сильно развезло, и их развезли. По домам.

– А если с ней что-то случилось? – всхлипывал Свирский. – Я ходил возле озера, звал, но в темноте...

– Успокойтесь, такое бывает. Перенервничала. Свадьба была неожиданностью. Вы звонили ее отцу?

– Он уже улетел. Вы хоть понимаете, какой выйдет скандал? Если тесть узнает, у него же сердце... Ума не приложу, как быть.

– Она могла уехать к себе?

– В квартире ее нет – телефон молчит, а консьержка никого не видела.

– Вдруг ее что-то обидело? Вам же виднее. От нас вы чего хотите? – полез на рожон Славик.

– Вы можете помочь мне найти ее?

– При всем уважении, это работа полиции.

– Я вам не все рассказал, – поник челом Сергей Петрович, – вчера здесь была моя бывшая секретарша, Ирина. Охрана еле успела перехватить ее. У нас когда-то была интрижка, ничего серьезного, но... Вы же знаете женщин.

Славик закивал, а я закатила глаза: кого там знал этот козий подхвостник, вопрос большой. Свирский судорожно сглотнул:

– Вообразила, что между нами... Когда у нас с Таней начался роман, я поступил благородно: устроил Ирину к другу, тот ей оклад повысил. А она стала угрожать, что все расскажет Тане. Выдумала какую-то беременность. Когда узнала про мои планы жениться... Я приставил к Тане охранника, на время. Отчасти из-за этого я и спешил со свадьбой.

– Думаете, Ирина могла навредить Татьяне? Если честно, вчера мы краем уха слышали, как они спорили, – деликатно кашлянула я и поведала про эпизод за углом.

– Значит, эта Горгона вернулась? Бедная Танечка, что эта стерва ей наговорила?

– Грозилась ей красоту испортить, – некстати влез Славик.

Видимо, вчера он таки остался подслушивать. Свирский побледнел еще больше, а я выложила все карты:

– Давайте начистоту. Вчера я видела, как Таня разговаривала с каким-то парнем в подсобке. И потом его здесь не было. Она выбежала оттуда очень взволнованная. Не знаете, кто мог так ее расстроить?

– Парень? – Свирский явно был удивлен. – Понятия не имею. Вряд ли в России у нее были такие знакомства. Мы же все время были вместе.

– Давайте обратимся в полицию, у меня папа...

– Как вы себе это представляете? Если я заявлю в полицию, все сразу вскрыется. Тесть узнает, в прессе начнут писать невесть что... Прошло всего ничего, кто станет ее искать? По плану мы едем в аэропорт, летим в романтическое путешествие. Если меня увидят в городе...

– Но...

– Поймите, я могу поручить это считанным людям. На работе вас встретит моя секретарша: проверенный работник. У нее можете взять ключи и информацию. Проверьте Танину квартиру, гостиницы, не знаю... Вы же молодая, поставьте себя на ее место. У нее даже друзей здесь нет.

Свирский прослезился и стал сулить мне золотые горы. На негнущихся ногах мы покинули номер. Славик глубоко-мысленно молчал, всем видом давая понять, что это я виновата в сложившейся ситуации.

– Надо было слать его со свадьбой. Один геморрой!

Я заказала кофе в баре и решила посоветоваться с папой №3. Он всегда решал трудноразрешимые вопросы цитатой:

– Ищите и обрящете! – донеслось из трубки, потом послышался грохот. Возможно, папа медитировал, сидя на шпагате между двух табуреток.

– Папа дело говорит. Не найдем – обрящем проблемы, – закивал нахохлившийся Славик, который приклеился ухом к трубке с другой стороны. – Прикинь, что начнется, если об этом пердимонкле узнают! Не видать нам конкурса, репутация агентства к чертям собачьим. Что это за свадьба, с которой пропала невеста? А если всплывет криминал...

Мы вышли на улицу, немного прошлись вдоль лесополосы и спустились к озеру по деревянной лестнице. Вид воды обычно успокаивал. Славик закурил, а я запаниковала:

– И что делать?

– Ладно, я помогу. Не зря я всего Конан Дойля прочитал.

Я покосилась на Славика, игнорировавшего простую истину: жизнь и книги – две разные вещи. Тут взгляд мой зацепился за что-то белое, висевшее на заснеженном кусте за его спиной. Через минуту я уже держала в руках белую шубку.

– Она вчера была на Татьяне, я сам выбирал, – побледнел Свирский, увидев нашу находку. – Теперь понимаете... Ее нужно найти сегодня! Если придираяться к фактам, невеста пропала во время свадьбы!

Стеная и охая, мы порулили в город. Славик продолжил заниматься дедукцией: читал книгу о Шерлоке, старательно

подчеркивая что-то слюнявым карандашом.

В приемной Свирского сидела дама с халой. Наверное, с ней мы и решали свадебные вопросы по телефону.

– Спроси у бабушки, может, она знает, где секретарша? – толкнул меня в бок этот крысеныш.

– Мне вообще-то 50, просто последние месяцы на работу по морозу против ветра хожу. Врач прописал двигаться – подняла на нас глаза дама в очках.

– Извините, он дурачок непуганый, мы от шефа.

Я подмигнула, пытаюсь при этом не выглядеть дурой, а она посмотрела на нас с сомнением.

– А, вы и есть сыщики, – зашептала секретарша и сунула нам ключи, пачку долларов и какие-то распечатки. Я для приличия спросила про характер пропавшей.

– Между нами, Татьяна – темная лошадка. Конечно, Сергей напел, что она ангел в сиропе. С виду оно так, но порой она могла и ножкой топнуть. Не при нем, конечно. А вот отцу... Видно, что характер имеется.

Тут в приемную ворвалась дама с бородавкой и заявлением, а нам пришлось срочно ретироваться. Я выжидающе уставилась на карманного Шерлока в полосатом шарфике.

– Давай осмотрим квартиру. Все сыщики обычно так делают.

– Что за бред, Славик? Мы будем рыться в вещах Татьяны? Ты собрался искать там письмо к Онегину?

– Тут адрес, список телефонов. Видимо, те, с кем она об-

щалась последние дни. Поищем что-то путное, – он проигнорировал мой скепсис, полез в планшет и притворился хакером. Я же направила своего красного «Жука» в самый центр города.

В шикарных апартаментах, которые Татьяна снимала перед свадьбой, все кричало о достатке. Просторный холл переходил в залитую солнцем гостиную с белым кожаным диваном. Огромная гардеробная, в углу – стол с ноутбуком. К нему-то Славик и ринулся, пока я осматривала шкафы.

– Не похоже, чтобы тут кто-то был. Обычно в порыве гнева вещи швыряешь в чемодан, не разбирая. Тут же идеальный порядок. А вот шубка у воды настораживает...

– Слушай, а если Свирский сам ее и утопил? Женился, стал наследником. Потому так и спешил с браком: боялся, что без папы невеста сбежит. Папа сердечник, жены нет...

– На психа он не похож.

– Не скажи, все эти медведи в кокошниках... Ладно, смотри, я покопался в почте и мессенджерах. Везде чисто. Письма удалены, а вот в корзине нашлось одно. Ник какой-то дурацкий: Игорькоff. Письмо пустое, только цифры.

– Номер телефона? Поищи в списках.

Пока я закрывала шкафы, а Славик сверялся с листком, зазвонил мой телефон.

– Катастрофа! Как же мы сразу не проверили? Я нашел в кармане шубки записку. «Жду у озера в 12 часов». И подпись – «И».

– Ужас! И что теперь?

– Я думал, Татьяна просто на что-то обиделась. А теперь уверен: это сделала Ирина! Понимаете? Она выманила ее! Я даже боюсь представить. А вдруг она ее утопила?

– Отправьте охранника к Ирине, пусть выяснит, где она была вчера после 10 вечера.

– Уже!

– Пусть перевернет записку, – зашептал мне в ухо Славик. – Может, там есть какие-то пометки?

Свирский просьбе удивился, но листок перевернул:

– Видимо, из блокнота. Не разберу без очков. «Ночной дрифт в Логойске», точно. И что?

– Пока не знаю.

Свирский отключился, а Славик стал имитировать раздумья. Для этого ему потребовался кофе: пришлось хозяйничать на чужой кухне. За этим делом меня застала домработница, принявшая нас за воров. Узнав, что мы от Свирского, она принялась кормить Славика кексами и отвечать на наши вопросы:

– Вежливая, но себе на уме. Да мы и не общались почти. Странная она последнее время была: ей кто-то звонил, письма присылал. А она после задумчивая ходила, даже разок плакала.

– Мама дорогая, как я сразу... – пророкотал Славик с набитым ртом. – Эта записка... Типичный случай, помнишь рассказ про Шерлока Холмса? Завидный жених!

– Весьма примерно.

– Там та же каша: невеста сбежала с бывшим молодчиком, а богатый жених остался с носом.

– Так там с носом, а тут с трупом. Если водолазы найдут тело...

– Да не, там тоже фату у воды сложили: мол, все, утопла я, не ищите. А сама тью-тью на Варкутю. Я же, дурак, пересказал ей сюжет рассказа, когда мы общались в конце вечера. Еще удивился: на кой ляд ей эта инфа?

Я пожала плечами и поинтересовалась подругами Тани, а домработница задумалась:

– Одна какая-то. Я краем уха слышала: Света зовут. Значит, русская, но вроде тоже в Америке живет.

– Пойми, незнакомец – это явно дружок из прежней жизни, – гнул свое Славик, сверяясь с книгой. – Вернувшись, она всегда была при муже, а это отголоски бурной юности. Бывший и совратил молодку.

Я отыскала в скайпе нужный контакт и уже через минуту беседовала с разбуженной Светланой.

– Парень? Наверное, Игорька имеете в виду? Их отцы вместе начинали, потом Танькиного папашу дружок кинул. Он с горя в США и свалил. С нуля все начал. Но Бог не То-тошка, видит немножко: компаньон почти сразу прогорел, да и спился. А с Игорьком у Таньки любовь-морковь была, они даже сбежать хотели, да он оказался нерешительный.

– Есть у него какие-то приметы? – влез в разговор Славик.

– Туповат, работать не хотел, гонками занимался, трюки всякие выделывал. А при чем здесь...

Оставив Светлану досыпать, я вероломно отключилась, а Славик победоносно уставился на меня.

– Что и требовалось доказать. Элементарно, Ватсон. Невеста сбежала с дрифтанутым Игорьком, а лорд Свирский курит бамбук.

На всякий случай я попросила домработницу глянуть на вещи хозяйки.

– Так шубки норковой нет: длинная, дорогушая. И пальто с ламой. Ага, вот и две пары сапожек... Вон, видите, просвет между коробками. У меня тут как в аптеке было.

– Зачем ей шуба в отпуске? – обратилась я к Славику. – Они же на Мальдивы должны были... Да и не знала она про свадьбу, чего бы заранее вещи собирала?

Ожил телефон: казалось, Свирский звонит из преисподней:

– Таню похитили! Пришло смс с указаниями, куда следует привезти деньги. Этот подонок издевается: «...надеюсь, мы придем к консенсусу, это конфиденциально...».

– Звоните в полицию!

– О полиции речи быть не может, иначе он доставит мне ее по частям. Сумма огромная, надеюсь, отец... Спасибо за помощь, но на этом все. Дальше я задействую нужных знакомых, гхм... структуры. Надеюсь, все останется между нами.

– Вдруг это Ирина? Почему вы решили, что похититель

мужчина?

– Ирина точно ни при чем. Ее проверили – она уехала на такси. Живет с родителями. В общем, у нее алиби.

– Получается, единственная зацепка – парень из подсобки? Возможно, он попал в объективы камер. Можно попытаться его найти. Мы тут кое-что...

– Потом, сейчас не до того, – послышались гудки.

– Наша версия – фуфло, – похлопала я по плечу юного сыщика. – Объявился шантажист, а нам Свирский велел молчать. Поехали в офис, больше мы ничем не поможем. Но Славик уже вкусил запретный плод сыщика:

– Игорек узнал, что она вернулась, названивал: невеста-то небедная. А когда понял, что опоздал, похитил Таню и потребовал выкуп у безутешного мужа. Хитро!

– Окстись, Евлампий.

– Вспомнил! Когда курил, слышал мотор спортивной тачки. Такое «бжжж», закачаешься! Откуда в глуши гонщики? Где собираются дрифтанутые нашего города? Поехали, поинтересуемся у них нашим шантажистом.

– Чего ехать, у меня бывший занимался подобной хренью, из-за этого и расстались.

– Вовка?

– Много ты знаешь, – проворчала я и набрала номер Вовы Шумахера. Сарафанное радио работало исправно, и через 15 минут я получила два адреса некоего Игорька Макаркова с оригинальным прозвищем Дрифтанутый. Славик от-

мел городскую квартиру и заверил меня, что такие грязные делишки обделывают на дачах.

– Шерше ля фам?

– Шерше ля сам! – вспыхнула я. – Предлагаешь навестить Игорька? Я пас, меня папы прибудут. И тебя заодно. Вовка сказал, Игорек мухи не обидит. Глуповат, но душа добрая.

– Эти добрые душой способны удивить. А если он ее пытал? Короче, отправившись за выкупом, на хату он не вернется. Вдруг найдем Таню раньше, чем Свирский простится с деньгами? Он обрадуется и нас не обидит.

Дух авантюризма приятно щекотал ноздри, но на всякий случай я позвонила папе №1:

– Я знаю, ты на работе... Скажи, сколько человек остаются в живых после того, как их похитили и требовали выкуп? Есть статистика?

– Ты же юрист, прости господи, – обреченно вздохнул отец. – погоди, во что ввязалась? Опять отчим втравил тебя в историю? Забыла, как он в школе подарил тебе краденный мобильник? Допросы, протоколы...

– Ты же знаешь, он ни при чем, это в салоне жулики.

– Я что сказал!

– Пап, ты цифруешься и булькаешь...

Я испуганно сбросила вызов и для верности уселась на телефон. Славик искрился от нетерпения и предложил замаскироваться: облачиться в костюмы Мороза и Снегурки, которые после свадьбы остались в багажнике.

На мой скромный взгляд, внимание нам было обеспечено. Дача находилась сразу за городской свалкой. Вчерашний снежок уже таял, мой железный коняшка прыгал по ухабам, а Славик гнусил:

– Скрип колеса: лужи и грязь дорог...

– Мы тянем пустышку: похититель выражается, как лорд Байрон. А Игорек, исходя из наших сведений, туповат и не способен на решительные действия. Что-то тут не так...

Ароматы леса и свалки обострили мою аллергию, и я расчихалась.

– Так и быть, сиди, я сам пойду на разведку, – благородно предложил Славик.

– Тебе не страшно? – с сомнением спросила я, разглядывая его с нескрываемым любопытством. Славик, который боялся пауков, деловито возился с раскладным ножиком, извлеченным из бардачка.

– Все умрут, а я грейпфрут.

– Слабоумие и отвага, – мрачно процитировала я папу №1 и перекрестила его для верности.

Скоро из пошарпанной двери показался Славик и махнул рукой. Вид у него был лихой и придурочный. Пригнувшись, мы прошли через темный коридор в маленькую спальню. На стуле, примотанный скотчем и с носком во рту сидел парень из подсобки и таранился на Славика с ножом:

– Он тупой, – заявил Игорек, когда из него извлекли носок.

– Не так уж он и безнадежен, – отмахнулась я.

– Да не, я про нож, – пояснил похититель, а Славик показал мне средний палец.

– Ты Дрифтанутый? А где Таня?

– Кинула нас ваша Таня, – чуть не плача, пожаловался привязанный.

– Я же говорила! Вот ушлая девица: разыграла спектакль, а сама за деньгами поехала.

– Главное, так натурально притворялась. Втянула меня в историю.

Славик опешил:

– Ничего не понимаю. Ты разве не похититель?

– Хрен вам. Вы вообще кто? – до него дошло, что тощий Дед Мороз и чихающая Снегурка слабо похожи на группу захвата.

– Да пофиг. Я сначала хотел по-хорошему, жениться. Первая любовь, мать ее за ногу. Хоть и разошлись по малолетству. Батя мой виноват. А этот богатый упырь охрану к ней приставил, не подойти.

– Зачем в шантажисты подался?

– Говорю же, она сама. Нашла меня. Я и рад был, дурак... Оглушила табуреткой, связала, а потом смс-отправила. Я вот плевать хотел на эти миллионы!

– Только плевать не на что, если у тебя и тысячи нет, – глубокомысленно изрек Славик. – Жизнь твоя будет сложной, но недолгой. Теперь докажи, что деньги у Танюхи. Она

скажет, что обиделась на мужа из-за любовницы и сбежала в расстроенных чувствах. Передумает – сможет вернуться. А тебе придется отвечать за шантаж и похищение.

– Да при чем тут я? Танька, коза, решила пожить для себя. Она еще папаше позвонила и поняла, что упырь ее даже не искал.

– Она решила, что Петровичу репутация дороже всего, – с умным видом покивал знаток женской психологии Славик.

– Может, в чем-то она и права, – вздохнула я.

Присутствовать при выяснении отношений людей Свирского с Игорьком желания не было. Я позвонила папе №2, и он подсказал, что надо валить. Сергею Петровичу не очень понравится, если кто-то узнает о его позоре. Есть вероятность, что с женой они помирятся, а мы останемся крайними.

Конкурс мы профукали: свадьбу Свирского не заявили по этическим соображениям. Не захотелось привлекать внимание к чужому «грязному белью».

Новогоднего настроения не было, поэтому в разгар вечеринки я оставила друзей в клубе и зачем-то поехала в офис. В холле огнями сверкала елка, под ней сидел Славик, пил шампанское и ел конфеты из шкафчика.

– Шерлок, вы один, без скрипки?

– У мамыши дома вечеринка старперов, – не обиделся он.

– И мне плесни, – уселась я рядом, подвигая к себе конфеты.

– Вот и верь после этого людям. Получается, она и нере-

шительному бывшему отомстила за отца и поруганные девичьи мечты, и корыстного нынешнего проучила.

– Она у тебя чуть ли не героиня, – возразила я, подумав. – Надо учиться прощать людей.

– Сейчас все твердят о прощении. А как по мне, так лучше учиться не обижать.

– Ага, Шерлоку и не снилось. Кто любит, тот и наказует.

Почти одновременно нам на телефон пришли смс.

– Свирский шлет поздравления и предлагает пообедать. А у тебя?

– Номер скрыт. Незнакомка жаждет встречи у квартиры Шерлока. Число и время – количество зернышек апельсина из рассказа «Человек с желтым лицом».

– А Татьяна затейница. И чем ты их берешь?

– Слушай, ты сейчас подумала о том же...

– Ага, перешлем их сообщения друг другу? Вот это будет встреча! – хихикнула я, а Славик снова разлил.

– Может, переквалифицироваться в детективное агентство? Ты привлекательна, я чертовски привлекателен. И умен не по годам. Название менять не надо: «Шанс» звучит жизнеутверждающе. Папы на подхвате. С такой командой делов наворотим!

– Я не настолько выпившая.

– Это мы поправим! Главное, чтобы папы одобрили.

Будто ожидая этих слов, в дверь, толкаясь локтями, ворвались отцы: первый при погонах, второй – в костюме от Brioni,

а третий – в каком-то индийском рубище и с красной точкой на лбу. Славик икнул и пошел за стаканами. А я пробурчала:

– Всего-то стоило два раза не поднять трубку. С Новым счастьем, команда!

Сергей Балашов.

Убийство на каравелле

– ...Будь у меня столько золота, я бы закатил пирушку на всю Англию! – Алан хлопнул себя по бедрам и засмеялся.

– Ага, и женился на Елизавете, ее королевском величестве! – Боб загоготал в ответ.

Смех матросов раскатился по всей каравелле. «Меригольд» стояла на якоре у безымянного острова. До рассвета оставалось полчаса. На палубе сидели трое.

– Ну а ты, боцман? Куда бы дел целый трюм сокровищ?

Никита вздрогнул. Он не привык к своему временному офицерскому чину. На большом корабле он три года ходил матросом. Но на крошечной каравелле с секретным заданием, где команда всего семь человек, будет рост в рангах.

Никита по привычке сгреб в кулак давно сбритую бороду.

– Я бы каждому бродяге в Лондоне подарил по рубахе.

Алан и Боб вновь покатались со смеху.

– Это у вас в Московии так принято? Ну ты Ник и учудил!

Никита молча смотрел на небо. Здесь уже не экватор. Солнце всходит почти как положено – не спеша. Пускает вперед зарю по небосклону. Птицы на острове поют, новый день встречают. Далеко дом, а все же ближе.

– Ну а бабы у вас какие? Ты, Ник, расскажи. Опять на разные корабли разойдемся, не поговорить. У вас там зима

круглый год? Девки небось в штанах на меху ходят?

– Эй, Боб. – По лестнице с нижней палубы со смехом поднимался Джон Грин, рулевой «Меригольда», – Не пристало настоящему англичанину говорить только о женщинах.

Алан вскочил на ноги, подбежал к рулевому.

– Джон, ну вот скажи, куда бы ты дел столько денег, сколько везет «Золотая лань»?

Джон усмехнулся, пригладил длинные волосы.

– Я бы отдал всю награду из дальнего плавания в королевскую казну. Кстати, именно так и поступит адмирал Дрейк, когда дойдем до Англии.

Никита тоже поднялся на ноги, отряхнул колени.

– У тебя рукав весь в смоле, Джон.

Рулевой пожал плечами.

– Вчера, когда ящики грузили, о канат обтерся.

– Когда выходим, Джон?

– Хоть сейчас. Капитан расчеты еще вчера дал. Нужны паруса да завтрак.

Боб всплеснул руками.

– «Хоть сейчас»! Хорошо тебе говорить! «Паруса поставить»! Кому, нам с Аланом вдвоем? Я вчера греб весь день, ладони в кровь!

Перебивая друг друга, Боб и Алан принялись жаловаться. Вчера команда разгружала груз каравеллы. Тяжелые ящики из трюма. Никита с Джоном на тросах спускали их в шлюпку Бобу. Тот греб к берегу, Алан разгружал. Дальше грузом

занимались оба старших офицера и корабельный юнга.

– Сколько там ящиков было? – негодовал Боб, – Тысяча? Две?

– Пять сотен. Я считал. – Никита прошелся вдоль борта и вернулся к мачте.

Боб глянул по сторонам, поманил матросов ближе. Джон смотрел на него снизу вверх, русая голова Никиты возвышалась над всеми. Боб перешел на громкий шепот.

– Знаете, что я думаю, парни? Во вчерашних ящиках тоже золото было. Я такие же в трюме «Лани» видел. Деньги там индийские. Знать, адмирал решил часть себе оставить. Вот и отправил нашего капитана спрятать на этом островке!

Никита вздохнул.

– Боб, зря ты кричишь на весь корабль. Мы все поняли, что грузили. Меньше знаешь, лучше спишь.

– Это у вас на севере так говорят? А у нас говорят: «Ранняя пташка ловит червяка!» Мы эти ящики на своем горбу таскали, имеем право на честную долю!

– Нам обещали заплатить за эту поездку. Лучше пять фунтов, чем случайно упасть за борт.

Боб открыл рот, чтобы ответить Никите. Сейчас обвинит боцмана в трусости и будет высмеивать дикую натуру. В этот момент на палубе появился Карл Грей, старший помощник капитана. Как всегда, рыжий и толстый, но неожиданно мрачный.

– Команда! Готовимся к отплытию! Алан, Боб, Томми, па-

руса! Джон, к румпелю!

Алан что-то пробормотал под нос и принялся разматывать канат. Джон вытянулся, как солдат в строю.

Не дожидаясь ответа, Карл сел у руля и принялся пить воду из фляги. Алан многозначительно посмотрел на Никиту.

– Чувствуешь, вином пахнет? Видно, не только капитан вчера запасы распечатал.

Карл тяжелым взглядом обвел палубу.

– А где негритенок? Томми, где тебя черти носят?

– Юнга, подлец, небось у капитана в каюте спит. На мягком. – Проворчал Алан.

Боб хмыкнул.

– Не, брат Алан, вот с Томми я стал местами меняться. Капитан парнишку как только не гоняет.

– Эй, Ник! Сходи, позови капитана Смита.

Ступени привычно скрипели под сапогами. Никита пригнулся под низкой балкой и постучал в единственную на корабле дверь.

– Капитан! Капитан Смит! Мы ждем приказа поднять якорь!

Под палубой пахло солью и рыбой, вяленным мясом и сырой одеждой. Надо всем этим витал застарелый запах пота – привычный аромат дальнего плавания. Но примешивалось еще что-то.

Не запах – вонь. Из глубин памяти, из прошлой жизни. Зимний день, когда к Новгороду подошли банды опрични-

ков. Бегство из города. Иногда так пахло в разбойничьем приказе, где начинал службу молодой писарь Никита Неревский.

Это запах крови.

Никита дернул ручку. Не заперто.

В капитанской каюте полумрак. Догоревшая свеча кляксою расплылась по столу. После освещенной палубы Никита двигался на ощупь. Сразу наткнулся на кровать. Растерянно пошарил. Нащупал что-то мягкое и холодное. Вновь позвал. И отдернул руку, когда понял.

Тело капитана Грея, окоченевшее и мертвое. Липкое от крови.

Никита перекрестился справа налево. Нужно выходить наружу и звать остальных.

Через пару минут в каюте стало тесно. Первым тут оказался любопытный Боб. Следом за ним Джон. Лицо рулевого окаменело. Алан стоял у стены, опустив взгляд, нервно тер подол рубахи, что-то бормоча под нос. Последним пришел старший помощник Карл, который громче всех сыпал бранью.

Никита наконец стряхнул оцепенение.

– Нам всем не нужно тут стоять. Нужно посмотреть вокруг. Могут быть вещи, которые... – Никита забыл, как по-английски сказать «уличать», и косноязычно закончил, – Которые покажут, кто убил. Посмотрите, у капитана проломлена голова. Много крови. Вот здесь на стене тоже пятно. Он

сидел на кровати, а потом упал.

Карл носком сапога пнул бутылку с вином на полу. Вокруг гольшика растекалась липкая лужа.

– Вчера последним у капитана был Томми. Маленький подлец ударил его бутылкой по голове и убежал, чего тут гадать.

– Уверен? Это было после восьми часов?

– Да я сам привел сюда Томми, по приказу Смита! Дубина! Немедленно тащи сюда юнгу!

Старший помощник перешел на ругань. Смысл ее сводился к тому, что капитану уже не поможешь, корабль нужно готовить к отплытию, а задачу думать и анализировать возьмут на себя старшие, а не младшие офицеры команды.

Решив не спорить, Никита развернулся и вышел. Когда проходил мимо Алана, расслышал бормотание. Молитва, что ли? «Куда бы моряк ни уплыл, от смерти ему не уплыть. Куда бы моряк ни уплыл...»

Внезапно Никиту охватил азарт. Как в молодости – нужно найти вора да привезти дядьке в приказ. Где спрятаться на каравелле в пятнадцать саженей? На самом деле, много где. Часть укромных мест Никита отмел сразу – на палубе он был все утро, видел бы юнгу за канатами или в бочке. В каюте Томми не появлялся. Остается трюм.

По лестнице Никита спускался осторожно. В темноту второпях не заходят. Позвал. Ответа нет. Ну хорошо. Сделал вид, что идет в дальний угол. Из другого угла метнулась тем-

ная фигура. Попался!

Никита недооценил проворство юнги. Томми почти успел добежать до лестницы. Но руки у боцмана длинные, он рванул паренька за край рубахи, сжал. Не сильно, чтобы не поломать. Томми дернулся, но быстро затих.

Никита сгреб его в охапку и понес наверх.

– Куда ты с корабля-то собирался бежать, дурачок?

Тут он увидел лицо юнги. Томми родом из Северной Африки, чернее углей в печи. Но сейчас его лицо посерело, как зола. Парня трясло в ознобе, он вращал глазами, бессвязно мычал. По щекам текли слезы. Никита вздохнул и пошел дальше.

Остальные все так же толпились в каюте покойного. Карл напустил на себя важный вид, будто епископ на кафедре.

– Команда! В связи с трагической гибелью капитана Смита, его обязанности беру на себя. Слушай мой приказ! Ник, Джон, готовить корабль к отплытию! Алан, тело перенести на палубу. Боб, взять под стражу юнгу Томми за убийство капитана! Запрещь его в каюте. Что стоите? Выполнять!

Никита и Джон вышли на палубу и принялись за работу. Первым молчание нарушил Джон.

– Вот так утро, да, Ник? А ты, я смотрю, мастак разгадывать преступления?

Никита с хрустом расправил плечи, вытер пот со лба. Машинально провел ладонью по лицу. Колючая щетина никак не хотела собираться в горсть.

– Когда-то умел. Я не могу понять время. Вчера ты был у капитана после заката?

– Ну да, мы как все вернулись, я ему докладывал. Нет, он сперва Томми позвал в каюту. Потом Томми кликнул меня. Никита кивал, прикрыв глаза.

– Я с Аланом в это время крепил шлюпку. Боб сразу завалился спать, там, у бочек. Юнгу я весь вечер не видел.

– Томми вчера пришел за мной, я пошел в каюту. Отчитался о состоянии корабля. Потом позвал Карла к капитану, и вернулся сюда.

– Я вот чего не понимаю, Джон. Много вина разлито. Значит, бутылка была почти полная. Мы все знаем, что капитан взял вино, когда вернулся с острова. В каюту заходил ты, потом Карл, потом, выходит, Карл опять позвал юнгу. Томми ударил капитана? Так вино бы уже кончилось!

Джон со смехом хлопнул Никиту по плечу, ему пришлось высоко тянуть руку.

– Эй, Ник, у тебя все мысли о вине! Не переживай, через три дня вернемся к «Золотой лани». Пересядем обратно к адмиралу Дрейку, на эту скорлупку переселят других. Две недели по течению – и мы в родной Англии! Вот где вина будет вдоволь! В бутылках и в кружках! Не этой чилийской кислятины, а такого, как в запасах капитана! Рубаху новую куплю, моя совсем драная. Скорее бы в родной Фалмут! Из Портленда в Бристоль, оттуда рукой подать до дома!

Рулевой все болтал об Англии.

– У тебя есть семья, Ник? Нет? Ничего, получим деньги за такой переход, заведешь! Вот у меня жена и трое детишек. Выросли, наверное, за эти годы!

Из трюма появились Карл и Алан. Матрос нес завернутое в холщовую простыню тело капитана. Все собрались вокруг.

Карл начал говорить речь, что-то торжественное. Как покойный был предан морю, как море теперь примет его, обнимает и закопает в песок на дне. Однако быстро сбился и махнул рукой. Никита и Алан подхватили тело и перевалили его через борт. С глухим плеском бранные останки капитана Смита отправились в последний путь.

С таким же плеском вылез из воды якорь. Большой треугольный парус распахнулся на главной мачте. «Меригольд» отплыла от острова и легла на курс.

Никита, тяжело дыша, дул на содранные ладони. Проходивший мимо Карл поманил его рукой. Вместе они отошли на корму, к рулевому рычагу. Старпом перешел на драматический шепот. Из рта у него пахло чем-то кислым.

– Боцман, рулевой, хочу с вами обсудить ситуацию. Из каюты пропал журнал капитана и его личный дневник. Понимаете, что это значит? Нет? Думаю, имею право открыть вам государственную тайну. Мы привезли на остров часть золота, добытого адмиралом Дрейком в Вест-Индии. Опасаясь нападения испанцев, адмирал решил спрятать несколько ящиков в надежном месте. Где именно знал только капитан.

– Вы же вместе вчера ящики таскали? – Удивился Ники-

та. Краем глаза он видел, что Джон еле сдерживает улыбку. Рулевого забавлял рассказ про «спрятать».

– Я только стерег их на берегу. Прятали их лично капитан и юнга Томми. Видимо, душегубец решил завладеть кладом, убил капитана, и выкрал его бумаги.

– Карл, Томми по-английски едва говорит! Он не умеет читать! – Никита опять потянулся к подбородку, отдернул руку, – Я же хотел рассказать, похоже, Томми не причем. Бутылка вина в каюте...

– Ник! Замолчи! Ты и сам говоришь как дикарь! – Карл топнул ногой, нахмурил брови и сверлил боцмана взглядом. Правда, для этого пришлось задрать голову.

– В каюте вчера были Джон, потом ты, а ты опять позвал Томми. Верно?

– Ты не понимаешь? Мы не можем вернуться к адмиралу Дрейку без карты. Нас всех вздернут, как воров! Нужно найти эти записи во что бы то ни стало!

Карл развернулся, быстро ушел, и кричал на Алана за плохо натянутый канат.

До обеда все руки требовались на палубе. Без юнги и капитана, каждому приходилось быть везде и сразу. Наскоро перекусив, все члены команды собрались на палубе. Боб привел Томми. Чернокожий юнга не пытался бежать, сидел в уголке, не поднимая глаз. Карл велел связать ему руки.

В голову Карлу пришло два новых плана, и оба Никите не нравились. Первым планом было обыскать все вещи.

Старпом разумно предположил, что записи капитана спрятаны где-то на корабле. Он с Джоном перетряхнули все постели, бочки и сундуки. Ничего не нашли. Вещи самого Карла, конечно, не обыскивали.

Вторая идея Карла заключалась в том, чтобы допросить Томми. Парнишка снова затрясся, как мышь. Его короткие кудри прилипли к черепу.

Карл распорядился принести веревку. Помахал ею перед лицом юнги. Тот залепетал на своем ломаном английском:

– Босс Карл, босс. Моя не брать ничего у босс-капитана. Моя не знать ничего!

Карл хлестнул юнгу веревкой по лицу.

– Говори! Эй, Боб, Алан! Привяжите его за ноги и за борт! Макать, пока не признается!

Старший помощник снова замахнулся веревкой. Но удар пришелся не по сжавшемуся Томми, а по груди Никиты. Он сделал еще один шаг, надвигаясь на Карла.

– Томми не мог ограбить капитана! Даже если убил, его нужно судить, а не пытаться!

Карл отскочил на несколько шагов назад, трясущейся рукой выдернул из-за пояса пистолет. Капитанский, кавалерийская модель. Когда только успел прихватить?

– Это бунт? Алан! Взять его под стражу! Пусть сидит в каюте вместе с мальчишкой!

Матрос боком приблизился к Никите. Тот без сопротивления заложил руки за спину, развернулся и молча пошел

к люку. Следом за ним, цепляясь за его штаны, шел Томми. На один шаг Никиты приходилось два шага юнги.

Когда дверь каюты за ними захлопнулась, Томми сполз по стенке и зарыдал. Никита хотел присесть на койку, но она была вся залита кровью и вином. Пришлось опуститься на пол, рядом с плачущим парнишкой.

– Что с лицом? Дай посмотрю.

На щеке Томми краснела полоса от удара веревкой, но кожа не рассечена. Пройдет.

– Моя не убивать капитан! – И, переведя дыхание, – Спасибо, мастер Ник.

– Пожалуйста, парень. Ненавижу, когда живых людей в воде топят. Дай руки развяжу. Как бы тебя оправдать? Ты когда уходил от капитана?

– Моя вчера был у капитан, когда он приплыл. Потом не был.

– Погоди, как так? Карл же сказал, что позвал тебя к Смитту, когда сам от него вышел?

– Капитан босс вчера быть очень грубый к Томми. Моя убежать и прятаться. Мастер Карл приходит, говорить идти. Томми не ходить. Никто не верит Томми, потому что моя раб.

– Плохо тебе, брат, – Никита рассеянно чесал в затылке. – Ты вроде юнга английского флота, а гоняют как раба. Вот и у нас почти так же. Там, где я родился. Так, да не совсем так.

– А мастер Карл говорит, что земля мастера Ника дикая, как земля Томми.

Парнишка вытирал слезы, изредка всхлипывая. Но в глазах зажглись искры любопытства. Никита широко улыбнулся.

– Да уж не такая дикая. Государь Иван Васильевич вроде перебесился. Под конец жизни Бога вспомнил. Говорят, можно возвращаться. Между прочим, наш царь на вашей королеве хотел жениться! А ты «дикие»! Об этом сватовстве во всех кабаках говорили, от Портсмута до Фалмута! Да, в кабаках...

Никита зажмурился, вспоминая. Он хорошо знал побережье Англии. Довелось поколесить. Так что...

– Эй, Ник! – Из-за двери раздался громкий шепот Алана. Матрос устал стоять на страже и решил поучаствовать в разговоре.

– Я тут подумал, Ник – наверное, сам Карл кэпа и убил!

Никита неопределенно хмыкнул.

– Ты посуди. Он сам после этого капитаном стал? А кто в каюте дольше всех пробыл? Он журнал и стащил. И все, концы в море. Теперь вас с Томми хочет на рею отправить! Точно, он. У него дюжина бутылок чилийского в матрасе припрятана. Вот и рехнулся спяну.

Никита начал отвечать, но махнул рукой. Что в Москве, что в Лондоне – кому нужна правда? Матроса вернее отправят на каторгу, чем капитана.

Под вечер Карл приказал выпустить Никиту. Когда юнга и боцман под стражей, и один из матросов их охраняет, трое оставшихся никак не могут управлять кораблем. Кто-то должен стоять ночную вахту. Никита был готов, что его привяжут к румпелю. Но Карл делал вид, что ничего не произошло.

Дежурить остались Никита и Боб. Карл, Алан и Джон улеглись на матрасы в трюме. Томми оставался в каюте.

Никита проверил руль, прошелся по палубе, кивнул Бобу. Вернулся на корму. Луне оставалась неделя до полнолуния. Тихо плескались волны. Над головой вилась дорога Млечного пути с мерцающими огоньками звезд. Хотелось вдохнуть полной грудью и ничего не делать, просто смотреть в ночное небо. Забыть про земные заботы, злых правителей и глупых капитанов.

Он еще раз посмотрел вверх, пристальнее. Что-то неправильно. Для тех, кто в море, искорки над головой – это путеводные огни, нужно уметь их читать. Сейчас звезды были не на своем месте. Совсем чуть-чуть. Но похоже, корабль идет неверным курсом.

Никита хотел спуститься за астролябией. Его знаний хватило бы проверить подозрения.

Снизу раздался скрип доски.

– Кто здесь?

Ответа не было. Никита отошел от люка, сжимая кулаки. Он хотел позвать Боба, и в этот миг что-то тяжелое обрушилось ему на затылок. Никита упал на колени, хотел обер-

нуться. Второй удар! В глаза словно бросили раскаленные угли. Он рухнул лицом вниз, услышал крик, чьи-то убегающие шаги. Хотел перевернуться, помочь, но тело не слушалось. Руки и ноги словно отдельно от головы. «Ишь ты», подумал Никита, теряя сознание.

Он очнулся, когда уже рассвело. Щеку грело осеннее солнце. Это что, всю ночь провалялся? Затылок щипало, но куда больше болели затекшие руки и ноги. Зажмурив глаза, Никита приподнялся. Тошнота подступила, но не сильно.

Сев на палубу, он огляделся. Первое, что увидел – паруса спущены, висят тряпками на мачте. Судя по плеску волн, каравелла в дрейфе. Где все?

Вся команда оказалась на палубе. Боб, Алан, Джон и даже Томми сидели у бортика. Перед ними на бочке расположился Карл. Никита позвал.

Карл ответил, не оборачиваясь:

– А, очнулся. Так, иди сюда.

Неуверенными шагами Никита перешел через палубу. Оказалось, что старпом сидит с пистолетом на коленях. Лица у всех матросов осунувшиеся, заспанные и злые.

– Что происходит-то, Карл?

– Садись рядом с остальными. Итак, повторяю. Вчера ночью кто-то пытался спустить шлюпку и удрать. Ника треснули по голове, но шлюпка на месте. Значит, сообщник убийцы среди нас. Кто из вас, висельников, хотел сбежать? Пока не найдем, никто с места не сойдет!

– Так почему сообщник-то? Кто убил, тот и хотел уйти, – Буркнул Боб.

– Молчать! Капитана Смита убил юнга! А ты первый под подозрением. Что значит «не смог догнать»?

Никита сел рядом с Бобом.

– Ты же знаешь, я тебя не бил, – Зашептал тот, – Точно говорю, это сам Карл. От власти умом тронулся. Давай все дружно, навалимся, скрутим!

Старший помощник грозно поднял пистолет. Тут в разговор вступил Джон. Он сидел с краю, поджав ноги, и выглядел самым смирным из всех.

– Ребята, давайте успокоимся. Это недоразумение. Корабль в дрейфе, но мы на торговом пути. Скоро нас найдут, возьмут на борт. Английское правосудие разберется. Вы как хотите, а я смиренно посижу. Мне домой вернуться надо, у меня жена и детишек двое.

Никита откашлялся. В горле сухо, как будто песок ел. Ну да ладно, не перед царем речь держать.

– Карл. Ты проверял курс? Нет? Да и не надо. Гляди, чайки. Земля рядом.

Старпом задрал голову. Никита без разрешения встал и тяжело облокотился о борт.

– Мы сбились с курса. Идем к берегу. Кто это сделал, хочет, чтобы нас взяли испанцы.

Боб фыркнул.

– Ну точно, Карл. Решил продаться.

– Нет, не Карл. Это Джон.

Все головы дружно повернулись сперва на него, потом на рулевого. Тот вскинул брови.

– Я вот что скажу, – Никита потер лоб, – Капитана убили бутылкой вина. Это было в начале вечера, бутылка полная. Утром у Джона была испачкана рубашка. Он сказал, что смолой. Мы все услышали запах вина. Думали, что от Карла, но запах сладкий, не кислый. Это Джон облился, когда бил Смита. Сказал, будто после него у капитана были Карл и Томми. Но Карл, оказывается, к капитану не заходил.

Карл тяжело вздохнул.

– Не заходил. Я тогда уже выпил... День был тяжелый, имею право! Джон передал мне приказ позвать Томми. Я нашел мерзавца, велел идти в каюту.

– Моя подойти к двери, испугаться и убежать. Правду говорю!

– Курс обратно рассчитал Смит. Но руль ставил Джон. Он заранее решил отправить нас в испанские воды.

Рулевой молча улыбался, прищулив глаза.

– Джон! Как ты мог!

Карл широко взмахнул руками. В этот миг Джон прыгнул. Прямо с места он в два прыжка преодолел расстояние от борта до бочки. Перехватил руку с пистолетом. Локтем двинул Карла в челюсть. Разворот, удар ногой. Карл на палубе, а рулевой стоит над ним с пистолетом в руке.

– Все на месте! Эй, Боб, Алан! Шлюпку на воду! В нее

запас еды и питья!

Матросы прокрались вдоль борта. Джон встал боком, держа всех в поле зрения. Никита помог Карлу подняться.

– Всем стоять, пока я спускаюсь! Не хочу больше убивать. Хватит капитана. Старый дурак меня подозревал. Я предлагал решить по-хорошему, а он полез в драку.

– Джон! Ты же англичанин! Что тебя ждет в Испании!

Никита вздохнул.

– Никакой он не англичанин, Карл. Сам не видишь, что ли? Про Англию знает понаслышке. Города путает. И детей у него то двое, то трое.

Джон со смешком изобразил поклон.

– Педро Хосе Гарсиа Гонсалес, к вашим услугам. Три года я с вами плавал, пора и возвращаться. Представляю, как будет рад герцог! Не только отчет о путешествии англичан, но еще и сундуки с золотом!

Он вынул из-за пазухи сложенные листы, потряс ими в воздухе. Уже перекидывая ногу через борт, лже-Джон направил пистолет на Никиту.

– А ты здесь самый умный, московит. Стоит тебя убить.

В этот момент Томми прыгнул. Не напралом, а в сторону. Потом большим скачком, на рулевого. Тот выставил вперед свободную руку. Юнга вцепился в нее, как мастиф. Джон зло ударил его о борт, но Томми не отпуская. Джон поднял руку с пистолетом, замахнулся рукоятью.

Бросившись вперед, Никита перехватил руку убийцы. Вы-

вернул, сжал пальцы. Джон взревел как кит, сбросил Томми. Добавил ему ногой под ребра. Ткнул в глаза Никите. Пришлось ослабить хватку на руке с пистолетом.

К дерущимся уже бежали Боб и Алан. Убийца повернулся и выстрелил. Никита повис на его руке. Пуля звонко стукнула о медное кольцо на мачте. Джон ударил Никиту в ухо, тот упал.

Никита подтянул ноги к груди и резко выпрямил, ударив противника в грудь. Силы хватило бы переломить толстое бревно. Джон подлетел в воздух, перевалился через борт и с плеском упал в воду.

Карл подбежал, перегнулся через борт.

– Карта! Карта-то у него!

Он опять проклинал и бранился. Никита просто лежал на палубе, тяжело дыша. Собравшись с силами, сел. Жить можно. Голова болит, но руки-ноги целы. Подбежал Томми, стал вытирать ему лицо мокрой тряпкой. На темном лбу юнги краснела ссадина.

– Ну что, Карл. Снимаешь с парня подозрения?

Карл выругался особенно изощренно.

– Мы в дрейфе в испанских водах! Рук в команде не хватит! Карты клада у нас нет! Что ты смеешься, дикарь северный?

Никита улыбался, сидя на палубе. Все будет хорошо. Еды и воды хватит, ртов-то меньше. С парусами как-нибудь справимся. В худшем случае пересядем в шлюпку, на веслах до-

беремся до адмирала Дрейка.

Он облокотился о бочку, прикрыл глаза. Сжал руку Томми, почувствовал ответное пожатие.

– Вот так вот, брат Томми. Хорошо, что я бороду сбрил. В драке не ухватишь. Эх, доберемся до земли, получим жалованье. Выкуплю тебя с корабля. Ты же не раб, а матрос. Поедем с тобой ко мне на родину.

Наверное, он говорил по-русски. Какая разница?

– Правит там царь. Раньше злым был, а теперь просто Грозный. Поклонюсь ему, расскажу про сокровища из далеких земель. Глядишь, даст отчаянных молодцов на дальнюю экспедицию. А не даст – такие храбрецы, как мы с тобой, на Руси всегда нужны. Поедем с тобой в Сибирь, Томка. Поедем, брат?

Анна Тищенко.

Проклятая кукла

Инсбрук готовился к Рождеству. До нового, 1929 года считанные дни! Старинные улочки перетянули гирляндами, горевшими теплым золотом, отчего казалось, что идешь под небом, украшенным топазами звезд. Двери домов украсили рождественскими венками, омелой и остролистом. Рестораны источали сладкие ароматы глинтвейна и кофе с корицей. Дверь одного из таких кафе мелодично звякнула колокольчиками, пропуская внутрь высокого, статного мужчину. Явно приезжий – элегантное, но слишком легкое для ледяного австрийского декабря пальто, в руках портплед, а лицо... Лицо Бенджамина Солта заслуживало особого внимания. Видимо, Создателя, когда он начал лепить это лицо, отвлекли в самом начале, и он, грубо обозначив черты, в будущем обещавшие стать совершенными, так и не кончил.

– Доброе утро, вы будете один? – простонала официантка, чей вчерашний вечер не задался. Любимое вечернее платье оказалось мало и к тому же ее бросил жених, так что ранний посетитель нисколько не добавлял красок морозному декабрьскому утру.

– Нет, меня ожидают, – ответил Бен и улыбнулся. И от этого лицо, которое скульптор не решился бы подарить горгулье Нотр-Дам, совершенно преобразилось. – Отто!

Полноватый, светловолосый мужчина за столиком поднял взгляд и его добродушное лицо озарилось улыбкой.

– Бен! Как я рад тебя видеть!

– Как давно мы не виделись? – Отто с любопытством рассматривал старого друга. Совершенно не изменился. Пролетевшие двенадцать лет словно не коснулись Бена Солта. Все такой же подтянутый, стройный, жесткие черные волосы еще не тронул иней седины.

– Да, пожалуй, с Оксфорда. Так что твое приглашение меня весьма удивило и обрадовало. Судя по твоим часам и костюму, дела идут неплохо?

Отто смущенно рассмеялся. Феноменальная наблюдательность Бена еще в студенческие года вызывала у однокурсников смесь страха и восхищения. Чего же ждать теперь, когда он стал детективом, о котором чуть не каждый день пишет Times?

– У меня своя небольшая юридическая контора и на отсутствие клиентов не жалею. Черт, Бен, я так рад что ты согласился встретиться со мной Рождество!

Друзья пообедали, прогулялись по обледенелому мосту через реку Инн, послушали великолепный орган в соборе святого Иакова. Несмелое зимнее солнце красило острые отроги Альпийских гор золотистым, розовым, а затем синим. Наступил вечер, воздух стал морозным, сухим и острым и прогулка утратила свою прелесть. Отто предложил зайти на аукцион – умер Пауль Варбург, известный коллек-

ционер. Наследников он не оставил и теперь ценные произведения искусства уйдут с молотка.

Когда они вошли в маленький, жарко натопленный зал, аукцион был в самом разгаре. Пара десятков стульев были такими же старыми, как и паркет, на котором стояли, и скрипели и стонали при каждом движении людей. Участников было немного, десятка два, но случайных зевак вроде них с Отто Бен не заметил. На шатком мольберте Бен с удивлением увидел прелестный этюд Фрагонара, «Девочка в соломенной шляпке». Эту работу он не видел ни в одном каталоге, но ни секунды не засомневался, что перед ним работа великого французского живописца. Он любил и понимал живопись XVIII века, и мгновенно узнал эти воздушные, прозрачные тени, характерные для мастера теплые солнечные блики. Почти сразу же в воздух взлетело несколько рук. Недолгий, но оживленный торг, и картина была продана.

– А теперь, дамы и господа, самый таинственный и ценный лот нашего аукциона – знаменитая «Проклятая кукла»!

По залу пробежал шепоток, кое-кто даже привстал с места. Бен удивленно вскинул брови. Пожалуй, дома, в Великобритании, страдающей нездоровой страстью ко всяким призракам и спиритам подобный эпитет мог послужить рекламой, но здесь, на Альпийском курорте?! Он бросил быстрый взгляд на Отто, ожидая его обычной насмешливой улыбки или удивления, но тот был необычно серьезен, даже программкой перестал обмахиваться.

Бережно внесли куклу в стеклянном ящике. Бен никогда прежде таких не видел. Ростом около шестидесяти сантиметров, она больше напоминала миниатюрную копию живой молодой женщины, чем игрушку. Она была одета в строгую черную амазонку и изящный цилиндр с вуалью, рука, затянутая в перчатку лайковой кожи, сжимала хлыст. Распорядитель аукциона беззастенчиво приподнял юбку, и все увидели фарфоровую ножку в высоком ботинке. Мастер так точно передал детали, вплоть шелковых чулок со стрелкой и миниатюрных шнурков, что Бен едва не смутился. Но самое удивительное случилось, когда подняли вуаль. Очевидно, куклу качнули и от этого движения ее глаза на бледном фарфоровом личике распахнулись. Они оказались бледно-голубыми, прозрачными, как вода, и даже будто влажными. А еще они смотрели. Строго, внимательно. В зале кто-то ахнул. Аукционист что-то говорил, но его не слушали. Женщина в первом ряду даже на ноги вскочила. Увидев ее, Отто восторженно воскликнул: «О, да это же мисс Рипли! Моя хорошая знакомая, я вас представлю после...»

Его последние слова прервал удар молоточка. Кукла была продана мисс Рипли за баснословную сумму. Бен мысленно перевел – получалось больше трех тысяч фунтов. Невероятно. Это был последний лот, закричали, задвигались стулья, люди стали расходиться, зал пустел на глазах.

– Кэролайн! – Отто махнул рукой счастливой обладательнице проклятой куклы.

Она обернулась и вспыхнула от удовольствия. И Бен увидел, что она красива, но не так уж молода, пожалуй, их ровесница. Обманчивое впечатление юности создавали по-девически свободно распущенные волосы и вычурное, едва не до пола платье, расшитое сложным узором. Этакая принцесса из зачарованной сказки, которой уже не дожждаться принца. На Отто она смотрела с детской надеждой, смущалась, щеки покрылись красными пятнами.

Отто представил их друг другу и поздравил с покупкой. Кэролайн смутилась и обрадовалась еще больше.

«О, я так счастлива, что стала хозяйкой этого сокровища! – затараторила Кэролайн, сияющими глазами глядя на Отто и Бена. – Конечно же, кукла обладает огромной энергетикой, нужно непременно устроить спиритический сеанс, да вот хотя бы завтра, на ее вилле „Сосны“. Приедет майор Рэнделл, и Вернер Беринг, Отто, помнишь, ты восхищался его трудами по искусству Византии? И Эсмеральда Апалу, она настоящий медиум, потомственная цыганка, правда-правда, ну чего ты смеешься? И Отто, милый, ты ведь тоже приедешь? Ах, ну и вы, мистер Солт, тоже приглашены.»

Бен смотрел на это очаровательное, несуразное, весело щебечущее существо и не мог отделаться от странного чувства. Обычно люди называют это интуицией, но отец Бена, доктор психиатрии, говорил: «Никакой интуиции не существует, как не существует ведьм и привидений. Зато есть со-

вокупность твоего опыта и наблюдений. И когда твой разум подсказывает тебе что-то, что ты не готов еще осознать, ты называешь это предчувствием или интуицией». Бен взглянул в счастливые, широко распахнутые глаза Кэролайн, и его накрыло ощущение неотвратимой беды, смертельной опасности, хищной птицей раскинувшей крылья над ними. Так, будто стоишь посреди летнего луга, но вдруг туча закрывает солнце и холодом, стылым холодом обольет лицо и плечи.

На следующий день погода испортилась. С утра небо затянули свинцовые тучи, начался снегопад. Старый Фольксваген Отто натужно ревел на крутых подъемах, дворники едва справлялись с крупными хлопьями снега. Дорожный серпантин скользил по горам будто змея, то обнимая горный отрог, то пронзая туннелем. Вершины Альпийского хребта заволокло пепельным снежным туманом и казалось, что сверху плещется сумрачный океан, тяжело колыхается исполинскими волнами. Но вот впереди, во мгле, замерцали янтарными огнями окна виллы «Сосны». Фольксваген ткнулся носом в сугроб у каменного заборчика парковки и облегченно затих. Современная вилла «Сосны», вполне успешно подражала викторианскому особняку. Два этажа, ассиметричный, но элегантный фасад, слева увенчанный башней под остроконечной крышей. Башня эта подножием упиралась в скальный обрыв, где на дне медленно плыли облака. Имелись даже две действующие каминные трубы, которые курились уютным дымком.

Не успели друзья выйти из машины, как входная дверь распахнулась и к ним засеменил слуга в старомодном пальто. На вид ему было лет сто. Худой, сутулый, совершенно лысый, он удивительно напоминал миролюбивого, добродушного стервятника. Зато побледневшая, обветренная временем россыпь веснушек и глаза цвета весенней травы, яркие, веселые, с головой выдавали в нем ирландца, которому ни время, ни погода не помеха. Была бы вечером приятная беседа да добрый стаканчик виски. Бен попытался самостоятельно донести свой портплед, но миниатюрный старик с неожиданной силой вырвал у него из рук вещи и резво пошел в дом, бормоча под нос что-то про «современную молодежь, которая и не слышала об этикете».

«Это Уолтер, – тихо рассмеялся Отто, – он еще дедушке Кэролайн служил. Там, в Лондоне. – А когда его „маленькая мисс“ ездит на свою австрийскую виллу кататься на лыжах, самоотверженно тащится с ней. Да, он немножечко смахивает на нежить, но готовит превосходно.»

В холле их встретила Кэролайн. На ней было бледно-голубое платье, перехваченное под грудью серебристым поясом, на шее странный массивный кулон в виде ключа с бирюзовой головкой. Из столовой вышел высокий дородный мужчина с военной выправкой и пышными усами. Двигался он степенно и значительно, точно, как королевский линкор «Виктория». Кэролайн представила его гостям как полковника Рэнделла, который недавно вернулся из Индии и «ну

очень, очень соскучился по нашему волшебному Рождеству и сказочному снегу». Полковник Рэнделл прогудел что-то, по всей видимости означавшее приветствие, и отплыл в сторону барного шкафчика. Прошли в гостиную. Там в камине жарко пылали дрова, стены были украшены гирляндами остролиста и пуансетии, блестела золотыми звездами и алыми шарами рождественская елка в углу, источая острый хвойный аромат. Из кресла поднялся бледный молодой человек в очках и мятом костюме, и застенчиво улыбнулся.

– Вернер Беринг, наш молодой гений, – затараторила Кэролайн. – Он специалист по искусству Византии и еще у него есть замечательные книги об античных мифах, и... О! А это Эсмеральда Апалу, наш медиум! Она адепт культа Астарты, хранительница тайного знания и владеет цыганской магией!

И гениальный историк, и Бен, и полковник Рэнделл были забыты (последний, впрочем, не слишком тосковал в одиночестве, компанию ему составила бутылка превосходного виски), и даже Отто. Кэролайн смотрела на «хранительницу тайного знания с немым обожанием. А вот Бен смотрел с некоторым удивлением. Женщина лет за сорок, бойкие, умные зеленые глаза, походка и движения профессиональной танцовщицы. Смоляные волосы, конечно, покрашены под цыганку – на проборе крохотный, но видимый корешок цвета осенней листвы. По виду ирландка с примесью восточной крови. Но вот одежда! Яркая шаль, браслеты, амулеты

всех возможных религий и течений. «Рука Фатимы» мирно соседствует с христианской Альфой и Омегой, рядом ирландский трикворт, а подол пышной юбки расшит кельтскими рунами.

Уолтер собрался с силами и подал ужин, действительно превосходный, как и обещал Отто. Консоме с крутонами, пирог с говядиной и почками и спаржа под соусом «Мари Роз». Бен всегда считал, что отличается завидной выдержкой, но сегодня он с трудом заставлял себя продолжать светскую беседу, пока бедняга семенил с подносом мимо адресата. Вернер, который, как и Бен единственный был тут впервые, дернулся помочь и заслужил такой обиженный и недовольный взгляд, что тут же поспешно сел на место. А вот полковник Рэнделл чувствовал себя как рыба в воде. Он с аппетитом принялся за пирог и рассказ о том, как в джунглях он победил ягуара. С каждым стаканом виски ягуар становился крупнее, а лица присутствующих печальнее. На помощь пришел Отто.

– Не пора ли нам устроить спиритический сеанс?

– Спасибо! – прошептала Кэролайн. – Я этот рассказ слышу тридцать второй раз.

– А я двадцать восьмой, – прошамкал Уолтер. – Когда прислуживаешь за столом не отойдешь же. Мы, слуги, тоже же люди.

После ужина Эсмеральда заявила, что ей нужно приготовиться ко встрече с потусторонним и ушла в чайную комна-

ту, которую выбрали для проведения сеанса.

– Отто! А ты ведь знаешь историю этой куклы? Вальбург же был твоим клиентом? – Кэролайн возвысила голос, явно хотела, чтобы он рассказал всем.

Бен вскинул пытливый взгляд на Отто. Он не говорил, что был юристом покойного коллекционера!

– Да, – охотно ответил Отто. – Вальбург мне ее рассказывал. Куклу эту создал знаменитый британский реставратор Дэниэл Арчер для своей дочери. Он жил тогда с семьей в Греции, где два года реставрировал знаменитую «Мадонну Афинскую»...

При этих словах худенький историк подскочил, как ужаленный, и глаза его буквально впились в фарфоровую девушку.

– Арчер? Тот самый знаменитый меценат, чьим именем названа Академия искусств?

– Да, он. Ну потом Арчеры вернулись в Англию, и Дэниэл был убит, а кукла пропала. Убийцу так и не нашли, а вот куклу обнаружили у известного лондонского ювелира. И с тех пор за ней потянулся кровавый след – ее несколько раз похищали, и многие ее владельцы погибали при странных обстоятельствах...

В гостиную вошла Эсмеральда, замогильным голосом сообщила, что все готово к сеансу. А за окном выла выюга. Темно было, как ночью, снег лепился к стеклам, покрытым морозными узорами.

Сели за круглый шаткий столик, куклу посадили по центру. Она сидела, смотрела на гостей и в ее глазах плясали злые огоньки свечей. Медиум велела замкнуть круг, касаясь руки сидящего рядом. Пальцы Вернера были холодны, как у мраморной статуи. Волнуется? Или нездоров? А рука Отто была влажной и слегка дрожала. Бен сделал вид, что закрыл глаза. Природа одарила его редким феноменом, который романтические поэты называли «бархатный взгляд». Звучит и выглядит потрясающе, на деле же это означает, что ресницы растут не вверх или прямо, как у всех, а вниз. И если слегка смежить веки, то присутствующим ни за что не догадаться, что он видит абсолютно все. Кэролайн честно закрыла глаза, и похоже, пребывает в интересной стадии между оргазмом и кататоническим ступором, полковник, похоже, задремал. И вдруг словно холодный ветерок пролетел по комнате. Свет в лампе начал медленно гаснуть и раздался голос. Тихий, словно бы детский, но было в нем что-то такое, что страха ледяной рукой сжал сердце.

– Тьма... Тьма придет... Все ближе... Грядет он, великий и древний...

Медленно, со скрипом отворилась дверь. На пороге замаячил Уолтер.

– Ой! Свет погас! – в восторге воскликнула Кэролайн, сияющими глазами глядя на погасшую лампу.

– Это призраки, – Эсмеральда окинула победным взглядом участников сеанса.

– В таком случае, они немного перестарались, мадам, – проскрипел Уолтер. – Электричество исчезло во всем доме. Я разожгу камин и принесу побольше свечей. А вам, леди Кэролайн я принес теплую шаль. И не спорьте, мисс, не то следующую неделю проведете в постели.

– Он очень вас любит, – улыбнулся Бен, когда Кэролайн, картинно закатила глаза, но шаль послушно набросила на плечи.

– Я знаю. После смерти родителей он так заботится обо мне. – Кэролайн грустно улыбнулась. – Знаете, у меня решительно никого нет, и я завещание составила на него, представляете?

– Что? Завещание? Да ведь он втрое старше вас!

– Да, но у него есть взрослая дочь, так что может быть ей пригодятся мои деньги. Мне почему-то кажется, что я лишь гостя в этом мире. Может быть поэтому мне и не удалось создать семьи.

Бен подумал, что если бы Кэролайн подобное не казалось, то и семья была бы и не пришлось бы составлять завещание на старенького слугу, но от комментариев воздержался. Кэролайн решила отнести куклу и запереть в шкафчик для хранения редкостей, полковник взялся ее проводить.

– А ключ от своего музея я всегда ношу с собой! – она гордо указала на странный кулон на своей шее. Ключик, инкрустированный бирюзой.

Уолтер принес толстые восковые свечи и расставил их

по всей гостиной, по одной на каждый лестничный пролет и еще несколько на журнальном столике для всех, кому нужно куда-то идти. Кэролайн взяла одну, прижала к груди жутковатую куклу и пошла по лестнице в свою комнату. Полковник неверной походкой двинулся следом. На мгновение она обернулась, жаркий отблеск пламени свечей выхватил ее лицо на фоне комнаты, погружившейся в темноту. Говорят, незадолго до смерти черты лица приобретают удивительную гармоничность, делая человека очень красивым, исчезает асимметрия, всем нам свойственная. Так называемые «Гиппократовы черты». И Кэролайн была сейчас красива именно этой страшной красотой. Такой ее Бен и запомнил.

Бен вернулся в гостиную. Теперь, когда люстры не горели, в комнате среди глубокой темноты мерцали оранжевым только теплые островки света от свечей. Гости разошлись, и тишину нарушал только треск поленьев в камине, да завывание ветра за окном.

Электричество восстановить не удалось, буря оборвала провода. Дом медленно остывал, как умерший человек. Бедняга Уолтер зажег все немногочисленные каминные и расставил свечи, где мог, но вилла «Сосны» явно была не готова к ледяной декабрьской ночи. В гостиную вернулся Вернер, за ним Эсмеральда. Потом собрались остальные, кроме Кэролайн. Пили горячий, пахнувший корицей и гвоздикой глинтвейн, болтали, но как-то вяло. Голоса звучали приглушенно, несмело, будто у постели больного или в храме, бо-

ьясь рассердить жестокое божество.

– А где Кэролайн? – неожиданно спросил Бен.

– Проводил ее до спальни, – пожал плечами полковник. – Может, легла спать?

– В пять вечера?

– Хотите, схожу, приглашу на глинтвейн? – вызвался Вернер.

Вернулся он десять минут спустя, еще бледнее, чем обычно.

– Я звал и стучал, но леди Кэролайн не ответила!

Бен пристально взглянул на юношу.

– А дверь заперта?

– Н-не знаю, я не пробовал...

Бен ошарашенно уставился на юношу. Хотя ученый, что с него взять. Окажись он в комнате с обнаженной красавицей, сядет в самый дальний угол и начнет интересоваться ее мнением о политеистических религиях. Бен вздохнул, взял свечу с журнального столика и поднялся по узкой, скрипучей лестнице на второй этаж. В коридоре было совершенно темно, холод пробирал до костей. Огонек свечи дрожал и бился на фитиле, как испуганный зверек. Бен прикрыл его рукой чтобы не погас, и оттого темнота стала еще плотнее, придвинулась ближе, стала почти осязаемой. Он постучал в дверь, подождал – ничего. Нажал на ручку и дверь подалась, приглашая в темноту женской спальни.

Из окна сочился слабый лунный свет. Огонек свечи заме-

тался, бросая багровые всполохи на неразобранную кровать, туалетный столик, платяной шкаф и...

«Мисс Рипли!»

Бен опустился на колени, взял тонкое, прохладное запястье, но тут же бережно опустил руку девушки обратно на пол.

Не было смысла искать пульс. Вокруг головы девушки по паркету расплылось черное пятно. Заветный шкафчик для редкостей был открыт, там стояла грубоватая статуэтка египетской кошки, богини Бастет, лежал кулон с изображением лилии Астарты, ветхий гримуар якобы мистических заклинаний и прочие сувениры. Куклы не было. Бен нашел ее на полу, возле кровати. Амазонка и грудь куклы были грубо распороты чем-то острым, рядом валялись клочья ваты.

Бен поднял свечу, осматривая комнату. Усилием воли подавил эмоции. Обычно он попадал на место преступления как сыщик, просто выполняя свою работу. Сейчас было другое – эту женщину он знал лично. Всего час назад она улыбалась ему застенчивой, робкой улыбкой. Негодяй, который это сделал, дорого заплатит. На виллу в такую бурю чужой не мог попасть, так что убийца один из тех, кто сейчас внизу, греется у камина и пьет глинтвейн.

Орудие убийства нашлось почти сразу – тяжелый бронзовый канделябр на три свечи. Его брат-близнец остался стоять на каминной полке, свечи новенькие, даже фитили не обожжены. А этот, испачканный в крови, валялся на по-

стели. Ключ от шкафчика так и остался на шее Кэролайн, она не успела им воспользоваться. Бен спустился вниз.

– Произошло убийство, – сухо и буднично объявил он. – Убийца один из нас.

На это заявление отреагировали по-разному. Полковник непонимающе уставился на него, Вернер вздрогнул, Отто вскочил, опрокинув бокал, а Эсмеральда мрачно кивнула, точно только этого и ждала весь вечер.

– Проклятая кукла, – кивнула она. – Этого следовало ожидать. Каждый ее хозяин...

– Это вам цыганская магия подсказала? – Бен с трудом сдержал злость. Убит человек, а она продолжает нести чушь!

– Не верите... Потому что сами не способны почувствовать ауру зла! Но если вы слепы и не видите тьму, это не значит, что она не существует!

И «жрица великой богини Астарты» с достоинством запахнулась в пеструю шаль, напоследок бросив на Бена презрительный взгляд, но он не дрогнул. Усмехнулся: «Вы такая же цыганка, как я епископ Кентерберийский. Полагаю, вы ирландка и владеете профессиональными навыками...»

При этих словах Уолтер, который вошел в комнату с чайником и чашками, замер. Бен пристально взглянул на него. Нет, невероятно представить, чтобы он причинил вред своей хозяйке, своей «маленькой мисс». Но все деньги достанутся ему, а у него есть взрослая дочь. И эта дочь вполне может находиться сейчас в этой самой комнате.

– Эсмеральда. Кстати, как ваше настоящее имя? Кукла ведь ожила вашими стараниями?

Эсмеральда Апалу несколько секунд испытующе смотрела на него. Затем дернула плечом и словно разом сбросила с себя весь мистический ореол. Она устало опустилась в кресло, зябко кутаясь в шаль.

«Меня зовут Нина Гедек. Да, вы правы. В прошлом я цирковая актриса, очень неплохая, кстати сказать. Видели бы вы, какие овации я срывала, выступая в образе демонической Лилит или колдуньи Дельфины! Ах! Один русский князь подарил мне алмазную диадему, а султан Сулейман-Хамид предложил мне руку и сердце!»

«Почему бы и нет, – подмигнул полковник Отто, – у него обширный гарем.»

Полковник старался говорить шепотом, но для него это было так же легко, как для слона пройти на цыпочках. Эсмеральда бросила на него взгляд, которому явно не доставало теплоты и продолжила:

«Но годы берут свое и я нашла себе новую роль. Развлекать скучающих дам, даря им возможность верить, что они общаются с потусторонним, что тут плохого? Я обладаю даром чревовещания, и эта кукла моими стараниями сегодня заговорила, признаюсь. По сути, я вдохнула в нее частичку своей души, это тоже магия. Что? – она с вызовом взглянула на полковника, который смотрел на нее с неприкрытым осуждением. – Да, я мошенница, но не убийца! Тут все се-

бя странно ведут, взять хотя бы этого мальчика, он, кажется, историк. Кстати, где он?»

Только тут Бен заметил, что Вернер и в самом деле исчез из гостиной. Велев никому не покидать комнату, он почти бегом поднялся по лестнице в комнату Кэролайн. Никого. Только сейчас он осознал, что ходит по темному особняку в поисках человека, который вполне может оказаться убийцей. И если так, то он здорово рискует. Он пошел медленнее, подолгу прислушиваясь у каждой двери. Гостиная, откуда доносились голоса, кухня, ванная комната, и... Еще одна, откуда из-под двери пробивалась полоска света. Бен вошел и оказался в небольшой библиотеке. Все стены были забраны шкафами с книгами, маленький восточный диванчик, у окна письменный стол, возле бесполезной теперь лампы горит свеча. А за столом сидел Вернер и увлеченно читал толстый том. Он поднял голову, близоруко сощурился.

– А, мистер Солт! Идите-ка сюда, вам будет интересно.

– Неужели? Беринг, там наверху мертвая женщина...

– Да-да, – Вернер нетерпеливо махнул рукой, так, словно речь шла о чем-то совершенно естественном. – Это все из-за куклы, понимаете? Я как услышал, что ее сделал Арчер, все думал, думал и наконец понял. Он был очень богатым, этот реставратор, а ведь начинал с нуля, как говорят у вас в Англии: «Он сам купил свою мебель». Ему доверяли работать с уникальными музейными экспонатами. И никто не проверял потом эти экспонаты.

Бен начал кое-что понимать.

– Эта Мадонна Афинская... Как она выглядит?

– Так вот же.

Историк с готовностью развернул энциклопедию, Бен взглянул. На иллюстрации была классическая византийская икона, в золотом окладе, украшенном жемчугом и драгоценными камнями. Мадонна была изображена в композиции «умиление», держала на руках маленького Спасителя, склоня к ребенку лицо, исполненное нежности и любви. Но Бен смотрел не на образ матери, ласкающей свое дитя. Как ни плоха была репродукция, она не могла скрыть красоты крупных драгоценных камней, украшавших оклад.

– Это забавно, – заметил Вернер, проследив за его взглядом, – вот эти два камня настоящее сокровище. Уникальные, бесценные голубые бриллианты. Прежде они были глазами статуи Диониса из Афинского храма.

– Как, у статуи были глаза из драгоценных камней?

– А вы не знали? Впрочем, распространённое заблуждение. До нас античные статуи дошли в несколько поврежденном виде.

– Хотите сказать, ободранном?

– Скорее, обесцвеченном. Прежде все они были расписаны. Одежда, цвет кожи, волосы. У некоторых, особенно почитаемых, были глаза из драгоценных камней. Так вот, бриллианты, о которых я говорю, похищали несколько раз. То была эпоха Юлиана Отступника, последнего императора,

пытавшегося вернуть исконную языческую религию. И глаза Диониса были украдены, чтобы украсить Мадонну, но потом вернулись на свое место. И вновь были украдены.

– Спасибо, – медленно произнес Бен, – это очень интересная история, полагаю, остальным стоит ее услышать.

Попросить историка поделиться своим открытием то же самое, что попросить модницу рассказать о достоинствах нового платья подругам. Пока Вернер в красках описывал путешествия знаменитых голубых бриллиантов, Бен смотрел на реакцию слушателей. Нина вся обратилась в слух, от волнения даже кофе отставила не пригубив, Отто рассеян, Уолтер съезжился в кресле у камина и ничего не замечает. Он один казался действительно убитым горем.

– Думаю, реставратор украл эти камушки и спрятал в кукле, – заметил Отто, когда рассказ подошел к концу.

– А убийца их нашел, – кивнул Вернер. – Куклу-то распрошили.

Затянувшуюся паузу прервал треск полена в камине. Уолтер вздрогнул, неловко поднялся и почему-то вопросительно взглянул на Бена, словно ожидая распоряжений.

– Принесите еще дров, – мягко попросил Бен, – эти почти прогорели.

Уолтер даже как-то приободрился, получив задание и побрел из комнаты.

– Мы не можем просто сидеть и дожидаться окончания бури, – Бен бросил взгляд на Отто, словно ища поддержки

и тот с готовностью вскочил на ноги. – Нина, сходите проверьте телефон, и, если он работает, нужно сообщить в полицию. Полковник, вас я попрошу найти ключ от черного хода и запереть его, ключ пусть будет у вас.

– Но по дому ходит убийца! – Нина испуганно взглянула на Бена.

– Ему не зачем больше убивать, – успокоил ее Отто. – Он ведь получил что хотел.

– Не думаю, – покачал головой Бен, – у куклы была вскрыта грудь, а бриллианты были, если я не ошибаюсь.... Вернер, в библиотеке наверняка есть справочник по геммологии, не могли бы вы принести?

Когда в гостиной они остались одни, Бен прикрыл дверь.

– Что думаешь?

– Это полковник, – уверенно кивнул Отто, – ты видел его перстень? А сигары, которые он курит? Каждая стоит его месячную пенсию. Что-то он здорово разбогател после Индии. Я слышал немало интересных историй о разграбленных храмах и торговле историческими редкостями.

– Я тоже так думаю, – кивнул Бен. – На самом деле я уже вызвал полицию. Я выйду их встретить, предупрежу, чтобы не шумели и не спугнули нашу птичку, а ты можешь пока заглянуть на второй этаж в комнату полковника? Я задержу его внизу.

Отто с готовностью кивнул и тотчас ушел, а Бен повел себя странно. Вместо того, чтобы идти на улицу, он снял с пор-

тьеры веревку, которая держала ее на крючке, потом разулся, и стараясь двигаться бесшумно, осторожно поднялся на второй этаж. Вот и спальня Кэролайн, дверь приоткрыта. Он постоял, прислушиваясь к звукам, доносящимся из комнаты. Тихий шорох, частое дыхание. Бен распахнул дверь. На полу на коленях стоял человек и ножом пытался вынуть из глаз куклы бриллианты цвета весеннего неба. Человек поднял голову и, вскрикнув от ярости, бросился на Бена.

Полчаса спустя все собрались в гостиной. Все молчали. В углу тихо плакал Уолтер, а Эсмеральда, печальная, словно разом постаревшая, обнимала его за плечи. За окнами сыпал снег, жарко горел огонь в камине, бросая оранжевые пятна на лица людей. И только связанный веревкой человек сидел в тени, словно даже теплый свет пламени его избегал.

– У нас интересная компания собралась, вы не находите? – Бен обвел взглядом присутствовавших. – Историк, охотник за сокровищами, медиум, детектив.

– Прямо идеальный коллектив для поиска клада. – Нина грустно улыбнулась. – Надо же, какая удивительная случайность.

– Но это вовсе не случайность. Нас всех тут собрал один человек. Весьма умный и дальновидный. Который все предусмотрел. Ну, почти все.

Бен в упор взглянул на Отто.

– Ведь так? Когда бедняга Вальберг умирал, он поделился с тобой тайной, но ему самому достаточно было обладать

сокровищем, не превращая его в деньги. Он даже не знал, что бриллианты были в глазах куклы! Для него она сама была ценностью. И ты придумал целый план. Купить ты ее не мог, таких денег у тебя не было, и ты подговорил несчастную Кэролайн, зная ее страсть ко всему таинственному и мистическому. Но как найти драгоценности? Очевидно, это не просто, раз даже специалисты на аукционе ничего не заметили.

– А правда, почему? – спросил полковник.

– Ее сделал прекрасный мастер, – отозвался историк, не отрывавший восторженного взгляда от фарфорового лица. – Камни залиты слоем лака, даже иллюзия создается, что они влажные, сверху нарисован зрачок. И лично я впервые вижу бриллианты, ограненные кабошоном, а я много видел камней, уж поверьте.

Бен взглянул на Отто. Куда только делось его подкупающее обаяние! Черты лица заострились, взгляд стал тяжелым и мрачным.

– И ты собрал в одном доме целую команду. Все продумал до мелочей. Но неужели, Отто, тебе не жаль было бедняжки Кэролайн? А ведь она любила тебя!

– Да я не планировал ее убивать! – Отто яростно дернулся. – Потому и тебя позвал. Ты всегда умел распутывать головоломки и видеть то, что не видят другие. Я надеялся получить то, что хотел, незаметно. Но она собиралась запереть куклу в сейф и тогда все пошло бы прахом. «Ах, Отто, я буду

беречь это сокровище, как зеницу ока, и этот ключик и днем и ночью будет со мной!» – он зло передразнил щебечущий голосок Кэролайн. – Месяцы, а то и годы изображать преданного друга, наносить вежливые визиты, гадая, удастся ли незаметно завладеть куклой. А если и вышло бы, угадайте, кого первым заподозрили бы в краже? Это был мой единственный шанс...

Кукла лежала на столе и смотрела туда, где под потолком клубилась темнота. Теплый свет камина сюда не добирался и по углам собрались тени. Темные, как мысли и желания тех, в чьих душах не осталось света. Смотрела безмятежными глазами цвета вечного неба. Эти глаза видели тысячи дней и ночей, войны, молитвы, смерти и рождения. И уже ничему не удивлялись.

Анна Росси.

Рождество в «Дворянском Собрании»

В Туле я оказалась случайно. Накануне позвонила Оля, моя лучшая подруга и однокурсница по филфаку, и предложила встретить Рождество в своём родном городе. Обычно я отказываюсь от таких затей, ведь у меня трое детей и муж. Но в этот раз она меня уговорила: мне хотелось развеяться, а Оле нужно было дописать статью. В Туле я не была ни разу – а ведь это не только пряники и самовары, но и Ясная Поляна, Толстой, Тургенев, Есенин...

Мы загрузились в Олин внедорожник и помчали.

– Миша остался с детьми?

– Нет, Бабуля. Ты же знаешь, Миша принимает «хвосты» по зачётной сессии на этой неделе.

– Хм, это в каникулы?

Я проигнорировала скептический взгляд подруги, и уставилась в окно. Метель набирала силу. Рождество обещало стать волшебным.

День первый

Остановились мы в уютном бутик-отеле под названием «Дворянское Собрание».

Трёхэтажный особняк в классическом стиле мне сразу по-

направился. За двойными дверями открывалась просторная прихожая, отведённая под рецепцию, а направо – общий зал, в центре которого возвышалась нарядная ёлка, сверкая красными и золотыми шарами. Перед камином стояли солидные кожаные кресла, у окна расположились массивный стол и секретер из дуба. Стены были отделаны текстильными обоями бледно-зелёного цвета. Высокие лепные потолки и тяжёлые портьеры, обрамлявшие французские окна, старинные светильники на стенах, наборный паркет, – интерьер был пропитан духом девятнадцатого века.

За стойкой нас радушно приветствовала Евдокия, женщина лет сорока, со смешливым остроносым лицом в кудряшках. Серые глаза лукаво поблескивали за круглыми очками.

– Настя принесёт вам чаю наверх. Небось устали с дороги, да и за окном такая метель, – проворковала хозяйка. – Андрей поможет с чемоданами. Лифта у нас, как видите, нет.

Долговязый молодой человек смазливой наружности в форме официанта появился словно по волшебству.

– Сейчас здесь тихо, Новый год отгремел, вам никто не будет докучать. Кроме вас тут только две пары, вы встретитесь за завтраком. – добавила Евдокия и отдала нам магнитные ключи.

Андрей легко подхватил наши вещи и стал подниматься по ступенькам. Широкая чёрная лестница с коваными перилами вела на второй этаж, где располагались номера. По обеим сторонам балюстрады стояли кожаные диваны. На сте-

нах просторной площадки висели портреты Льва Толстого и Сергея Есенина.

Наша комната оказалась уютной спальней с двумя кроватями, мраморной ванной и массивным письменным столом, к сожалению, в единственном экземпляре. На нём гордо возвышалась декоративная ёлка в кадке, припорошённая блёстками. Андрей помедлил в дверях, а когда Оля вручила ему чаевые, нахально улыбнулся:

– Всегда к вашим услугам!

Мы остались наедине.

– Как ты нашла это чудо? Мне определённо здесь нравится!

– Журнал оплатил, а насчёт стола не беспокойся. Я буду работать внизу.

– Ты уверена? Я, собственно, не против предоставить комнату тебе...

– Не говори глупостей, – Оля отмахнулась и пошла в душ.

Мне не терпелось осмотреть гостиницу, однако в номер постучали, и горничная Настя принесла поднос для чаепития. Я погрузилась в необъятное кресло у окна и, пригубив чашечку душистого байхового чая с долькой лимона, представила себя тургеневской барышней.

Познакомиться с другими постояльцами нам посчастливилось этим же вечером. Бар-ресторан находился на цокольном этаже под низкими сводчатыми потолками как в хоромах московских бояр.

– Ну что, подруга, за твой маленький отпуск!

– За тебя, Оля. Что бы я без тебя делала?

Мы чокнулись бокалами с искристым Просекко. За соседним столиком шла оживлённая беседа.

Александр или Сашеньку, как все её называли, и Виктор я отметила сразу. Редко бывает, что муж и жена смотрятся так гармонично. Высокий, статный мужчина с густой копной седых волос, обладал харизматичной улыбкой и приятным баритоном. Смех его был заразителен, а моложавые карие глаза то и дело зажигались чертовщинкой. Вот и сейчас они вспыхнули, когда он скользнул по мне взглядом и остановил его на Оле. Я смущённо оправила свитер, пожалев, что не принарядилась как моя элегантная подруга. Виктор коротко кивнул нам обеим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.